

ISSN: 2949-1088

№ 4 (8), 2023 г.

THE
ART
OF LAW

ИСКУССТВО
ПРАВОВЕДЕНИЯ

ИРКУТСК

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
THE ART OF LAW.
2023. № 4 (8)

Учредитель: Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего образования «Университет
прокуратуры Российской Федерации»

СЕТЕВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
(ЖУРНАЛ)

Зарегистрирован в Федеральной службе по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
серия Эл № ФС77-83575
от 13 июля 2022 г.

Издается с сентября 2022 года.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Шевцова, 1, Иркутск, 664035
тел. (3952) 77-90-11
<https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org

© Университет прокуратуры Российской
Федерации, 2023

THE ART OF LAW.
2023. No 4 (8)

Founder: Federal State Treasury Educational
Institution of Higher Education "University of
the Prosecutor's Office of the Russian
Federation"

ONLINE PERIODICAL
(JOURNAL)

Registered with the Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor)
series E1 No. ФС77-83575
July 13, 2022

Published from September 2022.
Published 4 times a year.

Address of the editorial office, publisher,
printing house:
1, st. Shevtsova, Irkutsk, 664035
tel. (3952) 77-90-11
<https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org

© University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, 2023

Редакционная коллегия**Главный редактор журнала:**

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Заместитель главного редактора журнала:

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ответственный секретарь:

Агафонов Артем Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Члены редакционной коллегии:

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе;

Бозров Владимир Маирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Варданян Акоп Варздатович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской

Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, первый проректор – проректор по научной работе Байкальского государственного университета;

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Евдокимов Константин Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Байкальского государственного университета;

Ирошников Денис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия;

Отческая Татьяна Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;

Пупышева Любовь Андреевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России;

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской

Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук;

Сулова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Чуксина Валентина Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета.

Editorial Board

Chief Editor:

Evgeniya V. Rogova – Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Deputy Chief Editor:

Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Executive Secretary:

Artem S. Agafonov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor Participation in Civil and Arbitration Cases of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Editorial Board:

Maxim V. Bavsun – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Scientific Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Vladimir M. Bozrov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev State Ural Law University;

Acop V. Vardanyan – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Search Activity of the Rostov Law Institute of the MIA the Russian Federation;

Alexander Y. Vinokurov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutor's Activities, Ensuring

Representation and Protection of the Interests of the Russian Federation in Interstate Bodies, Foreign and International (Interstate) Courts, Foreign and International Arbitration Courts (Arbitrations) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Oleg P. Gribunov – Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Work of Baikal State University;

Elizaveta V. Demidova-Petrova – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Konstantin N. Evdokimov – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Viktor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Rector of the Baikal State University;

Denis V. Iroshnikov – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Olga Y. Kosova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University;

Vyacheslav V. Nikolyyuk – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Center for the Study of Justice Issues of the Russian State University of Justice;

Tatyana I. Otchetskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities Organization of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Dmitry V. Pozharsky – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Lyubov A. Pupyshcheva – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena R. Rossinskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examinations of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Sergei B. Rossinsky – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Svetlana I. Suslova – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director for Research, Professor of the Department of Civil Law and Proceedings of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valentina V. Chuksina – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Деревскова В. М. Контрреволюционные преступления в СССР в свете репрессий и реабилитаций (историко-правовой анализ)8
Козинникова Е. Н. Отечественное государствоведение конца XIX в. О сущности государственного принуждения и пределах его применения23

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Абдреев Т. И., Исхаков А. Д. Актуальные вопросы прокурорского надзора за реализацией концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства 30
Коршунова О. Н., Мирошникова Е. А. Взаимодействие прокурора с органами исполнительной власти как механизм повышения эффективности проверок исполнения законодательства о тарифообразовании 38
Коряченко С. И. Особенности проведения проверок исполнения законодательства при формировании тарифов на услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства 43

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Отческая Т. И. Защита экономических интересов государства в арбитражном судопроизводстве47
Рудых С. Н., Дондоков Ж. Д. О системе частного права: от прошлого к будущему52

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Гаврилов Б. Я. Институт дознания в сокращенной форме: генезис, современное состояние и перспективы совершенствования 57
Ивушкина О. В. Разграничение мошенничества при получении выплат с иными видами хищений 68
Коренная А. А. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы уголовной ответственности (ст. 170 УК РФ) 74
Сизова В. Н. Эволюция уголовного проступка в системе кодифицированного российского уголовного законодательства 82
Тыдыкова Н. В. О виде умысла в половых преступлениях 89

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

Derevskova V. M. Counter-revolutionary Crimes in the USSR in the Light of Repressions and Rehabilitations (Historical and Legal Analysis).....8
Kozinnikova E. N. Russian State Studies of the Late XIX Century. On the Essence of State Coercion and the Limits of its Application.....23

**PUBLIC LAW (STATE LAW)
SCIENCES (LEGAL)**

Abdreev T. I., Iskhakov A. D. Urgent Issues of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Concession Agreements in the Field of Housing and Communal Services.....30
Korshunova O. N., Miroshnikova E. A. Prosecutor Interaction with Executive Authorities as a Mechanism for Improving Effectiveness of Performance Check of Tariff Formation Legislation38
Koryachentsova S. I. Peculiarities of Conducting Audit of Enforcement of Legislation in the Tariff Formation for Services in the Field of Housing and Communal Services.....43

**PRIVATE LAW (CIVILITY)
SCIENCES (LEGAL)**

Otcheskaya T. I. Protection of Economic Interests of State in Arbitration Proceedings.....47
Rudykh S. N., Dondokov Z. D. About Private Law System: from the Past to the Future.....52

**CRIMINAL LEGAL SCIENCES
(LEGAL)**

Gavrilov B. Y. Institute of Inquiry in Abbreviated Form: Genesis, Current State and Prospects for Improvement.....57
Ivushkina O. V. Differentiation of Fraud in Receiving Payments with other Types of Embezzlement68
Korennaya A. A. Registration of Illegal Transactions with Real Estate: Problems of Criminal Responsibility (Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation).....74
Sizova V. N. Evolution of Criminal Misdemeanor in the System of Codified Russian Criminal Legislation.....82
Tydykova N. V. About the Form of Intent in Sexual Offences.....89

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 340.15
EDN DBRJAX

Деревскова Валентина Михайловна,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент,
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, 664035,
e-mail: vderevskova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0760-2808

**КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СССР В СВЕТЕ РЕПРЕССИЙ
И РЕАБИЛИТАЦИЙ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Аннотация. В работе проводится правовой анализ советского законодательства, действовавшего в период с 1930-х гг. Дается правовая оценка понятия контрреволюционных преступлений и их соотношение с другими преступными деяниями, предусмотренными другими нормативными правовыми актами, а также проводится сравнительно-правовой анализ с действующим российским уголовным законом. С точки зрения автора, политическими преступлениями можно признать преступления по ст. 58.10 УК РСФСР, в остальных случаях речь идет о государственных преступлениях, совершение которых требовало доказательств состава преступления. Осужденные по сфабрикованным, надуманным обвинениям, вина которых не была доказана, безусловно, подлежат реабилитации. Вместе с тем в жертвы политических репрессий, в том числе и реабилитированные, попадают лица, которые совершали общеуголовные преступления или доказанные преступления. Такие выводы автором сделаны на основе анализа судебной и прокурорской практики по этим вопросам. Автор обращает внимание на необходимость тщательного изучения материалов уголовных дел и объективного принятия решения о реабилитации и размещения информации, в том числе и на ресурсах, на которых представлена информация о жертвах политических репрессий.

Ключевые слова: контрреволюционные преступления, статья 58 УК РСФСР, политические репрессии, реабилитация жертв политических репрессий, судебная и прокурорская практика по реабилитации.

Derevskova Valentina Mikhailovna,
Head of the Department of Theory and History of State and Law Irkutsk Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
PhD in Law, Ass. Professor,
Shevtsova st., 1, Irkutsk, 664035,
e-mail: vderevskova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0760-2808

**COUNTER-REVOLUTIONARY CRIMES IN THE USSR IN THE LIGHT OF
REPRESSIONS AND REHABILITATIONS (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

Annotation. The work provides a legal analysis of Soviet legislation in force since the 1930s. A legal assessment of the concept of counter-revolutionary crimes and their relationship with other criminal acts provided for by other regulatory legal acts is given, as well as a comparative legal analysis with the current Russian criminal law is carried out. From the author's point of view, political crimes can be considered crimes under Art. 58.10 of the Criminal Code of the RSFSR, in other cases we are talking about state crimes, the commission of which required evidence of a crime. Those convicted on fabricated, far-fetched charges, whose guilt has not been proven, are certainly subject to rehabilitation. At the same time, victims of political repression, including those rehabilitated, include people who committed ordinary crimes or proven crimes. The author made such conclusions based on an analysis of judicial and prosecutorial practice on these issues. The author pays attention to the need for a thorough study of criminal case materials and objective decision-making on rehabilitation and placement of information, including on resources that provide information about victims of political repression.

Key words: counter-revolutionary crimes, article 58 of the Criminal Code of the RSFSR, political repressions, rehabilitation of victims of political repressions, judicial and prosecutorial practice in rehabilitation.

Рассмотрение исследуемых вопросов проводится, прежде всего, путем анализа действующего советского законодательства, ведомственных актов, правоприменительной практики, связанных как с проведением политических репрессий, так и с последующей реабилитацией жертв политических репрессий.

При анализе действующего в 1930-х гг. советского законодательства возникают вопросы не только по контрреволюционным преступлениям, но и причисления к ним других преступных деяний, содержащихся, например, в Постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. (далее – Постановление от 7 августа 1932 г.), а также соотношения их со ст. 58.1 Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР 1926 г. с последующими изменениями) в части признания их контрреволюционными преступлениями.

Новый уголовный кодекс был разработан после создания СССР и принятия Постановления Президиума ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных

республик» от 31 октября 1924 г. Уголовный кодекс РСФСР был утвержден Постановлением ВЦИК от 26 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г., при этом подчеркивалось, что до принятия специального Положения о государственных преступлениях, в кодекс включаются статьи о контрреволюционных и особо опасных преступлениях, а также преступления против порядка управления из Уголовного кодекса 1922 г. (ст. 53–73, 75–78, 83–85, ч. 2 ст. 97, ч. 2 ст. 98, 119, 136 и 138 с необходимыми редакционными правками). Ст. 1 УК РСФСР 1926 г. указывает на уголовное законодательство, а в ст. 2 речь идет о действии уголовного кодекса. В ст. 6 определяется понятие преступления как «общественно-опасное действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Таким образом, предусматривалось как действие уголовного кодекса, так и других уголовных законов.

Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1927 г. было утверждено «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных

преступлений против порядка управления)». В данном документе предусматривалось, что статьи Положения должны включаться в уголовные кодексы союзных республик. В связи с чем, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении Уголовного Кодекса РСФСР. ред. 1926 г.» от 6 июня 1927 г. взамен главы I (контрреволюционные преступления – ст. 58.1–58.18) и главы II (преступления против порядка управления – ст. 59.1–59.12) Уголовного Кодекса включалась глава I – преступления государственные, разделенная на две части – контрреволюционные преступления (1) и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления (2) – со ст. 58.1–58.14 и 59.1–59.13 соответственно, которые содержали формулировки Положения от 25 ноября 1927 г.

Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. вводилась уголовная ответственность с 12-летнего возраста за совершение краж, причинения насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попытки убийства. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» от 25 ноября 1935 г. была изменена редакция ст. 12 УК РСФСР 1926 г., которая излагалась на основании Постановления от 7 апреля 1935 г. и в ней говорилось о применении всех мер наказания с 12 лет по указанным преступлениям. Однако необходимо иметь в виду, что ст. 21 УК РСФСР в качестве исключительной меры наказания предусматривала расстрел, который в соответствии со ст. 22 УК РСФСР не применялся к лицам, не

достигшим на момент совершения преступления восемнадцатилетнего возраста. В связи с этим, интересным представляется пример с М. Н. Шамониным. В базе данных жертв репрессий в СССР «Бессмертный барак» на странице о нем написано, что расстрелян на 16 году жизни за кражу (от голода украл 2 буханки хлеба) 9 декабря 1937 г., место захоронения Бутовский полигон¹. В книге «Памяти жертв политических репрессий Бутовский полигон» о Шамонине говорится: «В анкете арестованного ему прибавлено два года; как видно из дальнейших материалов дела, на день расстрела ему было 13 лет»². В настоящее время уголовное дело М. Н. Шамонина опубликовано³. Он был 1922 г. рождения, что непосредственно устанавливалось в ходе расследования, был дважды судим (в том числе по приговору от 20 марта 1936 г. получил 2 года колонии за систематические кражи в составе группы лиц), 6 раз приводился в милицию и совершил 8 побегов из колоний (на допросе сообщал, что срок отбывать не желает). Отец умер, мать занималась скупкой краденого, в том числе и у своего сына, ей дали 5 лет лишения свободы. Беспризорником не являлся, т. к. проживал в квартире старшего брата. По заключению экспертизы института им. Сербского он был назван личностью психопатического склада. 11 октября 1937 г. был арестован за нападение на женщину и старика, которым нанес ножевые ранения и еще на одну женщину, которая от ножевых ранений скончалась. Был обвинен в совершении преступлений по ч. 2 ст. 74 (хулиганство, совершенное повторно, по своему содержанию отличались дерзостью или цинизмом), ч. 1 ст. 82 (побег из мест заключения), ч. 2 ст. 142 (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть) и ч. 3 ст. 143 (умышленное легкое

¹ Шамонин Михаил Николаевич // Бессмертный барак. URL: https://bessmertnybarak.ru/Shamonin_Mikhail_Nikolaevich/%5DBессмертный%20барак/ (дата обращения: 11.12.2023).

² Памяти жертв политических репрессий Бутовский полигон. Москва, 2004. С. 140.

³ Миша Шамонин. Следственное дело, 1937 г. URL: https://midgard-msk.livejournal.com/?utm_medium=endless_scroll, <https://istmat.org/node/68605> (дата обращения: 11.12.2023).

телесное повреждение, не повлекшее расстройства здоровья) УК РСФСР 1926 г. Дело было передано на рассмотрение тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области, которая 3 декабря 1937 г. вынесла приговор о расстреле. Не совсем понятно, почему это дело было передано на рассмотрение тройки и почему вынесли смертный приговор, но приговор не был связан с кражей 2 буханок хлеба. О неприменении расстрела к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, писал С. Я. Булатов [1, с. 14–24]. В. М. Курицын утверждал, что за остальные виды преступления ответственность наступала с 14 лет и с этого возраста могли применяться все меры уголовного наказания, но в циркуляре Прокуратуры СССР, разъяснявшим порядок применения закона, подчеркивалось запрещение применения к несовершеннолетним смертной казни [2, с. 199]. Об обратном пишет А. С. Смыкалин. Он считает, что «по общему правилу, уголовная ответственность наступала по достижении 14 лет, а за совершение указанных деяний – по достижении 12 лет «с применением всех видов наказания». Согласно разъяснению Прокурора СССР и Председателя Верховного суда СССР от 21 июня 1935 г., на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. к числу мер уголовного наказания в отношении несовершеннолетних был отнесен и расстрел. В связи с этим разъяснение указывало на утрату силы ст. 22 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, ограничивающих его применение в отношении несовершеннолетних. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 2 января 1936 г. указал, что в тех случаях, когда несовершеннолетними в возрасте от 12 лет совершаются преступления, не перечисленные в ст. 12 УК РСФСР, но соединенные с насилием, нанесением телесных повреждений, увечьем или убийством, они подлежат ответственности

по соответствующей статье, предусматривающей это преступление. Речь шла об аналогии закона. В качестве примера А. С. Смыкалин приводит приговор Свердловского областного суда от 16 января 1940 г. на основании п. 1 Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. 15-летнему В. Винничевскому, по которому он был признан виновным в совершении восемнадцати нападений с целью убийства и совершения полового сношения и убийстве восьми человек и приговорен к расстрелу [3, с. 261–265].

Принятие отдельных нормативных правовых актов высшими органами власти СССР, содержащих уголовно-правовые нормы, которые в приведенных примерах устанавливали новые составы преступления, наказания за них, снижение возраста наступления уголовной ответственности за отдельные составы преступлений, приводило впоследствии к внесению изменений в кодексы союзных республик, в том числе в УК РСФСР.

Однако могла быть и другая ситуация. Так, Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. предусматривалось, что грузы на железнодорожном и водном транспорте и имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.п.) приравнивались к государственному имуществу и подлежали усиленной охране. Колхозно-кооперативная собственность была одной из форм социалистической собственности, рассматривалась как собственность коллектива трудящихся, исключаящей эксплуатацию человека человеком. Грузы могли принадлежать как государству, так и колхозам и кооперативам. В самом документе такое изменение объяснялось тем, что участились хищения такого имущества, а с другой стороны, стало

поступать много жалоб на насилия и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов. В документе подчеркивалось, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, а люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, поэтому борьба с расхитителями общественного имущества является первой обязанностью органов советской власти.

В случае кражи грузов и колхозно-кооперативного имущества предусматривалась только два варианта наказания при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы не ниже 10 лет с конфискацией имущества, в остальных случаях – расстрел с конфискацией имущества. Ст. 48 УК РСФСР к смягчающим обстоятельствам относила: а) хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательства на Советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося или другого лица; б) в первый раз; в) по мотивам, лишенным корысти или иных низменных побуждений; г) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или материальной зависимости; д) под влиянием сильного душевного волнения; е) в состоянии голода, нужды или под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий; ж) по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств; з) лицом, не достигшим совершеннолетия, или женщиной в состоянии беременности. В случае совершения кражи грузов, колхозно-кооперативного имущества к смягчающим обстоятельствам можно было отнести п. б–з. В случае насилия и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов к колхозникам, с целью заставить их выйти из колхозов и тем самым разрушить

колхозы, предусматривалось лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. Данное Постановление от 7 августа 1932 г. было отменено с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу законодательных актов в связи с введением в действие Основ уголовного законодательства, Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления, Основ законодательства о судостроительстве, Положения о военных трибуналах и Основ уголовного судопроизводства» от 13 апреля 1959 г.

В отличие от предыдущих примеров, нормы, изложенные в Постановлении от 7 августа 1932 г., не были включены в текст УК РСФСР. В УК РСФСР предусматривалось по ст. 162 (глава VII «Имущественные преступления»), что кража государственного или общественного имущества из складов, вагонов, судов и иных хранилищ без применения технических средств наказывалась лишением свободы на срок до двух лет или принудительные работы на срок до одного года, с применением технических средств или в особо крупном размере – лишением свободы на срок до пяти лет. Именно небольшие сроки наказания за совершение краж государственного и общественного имущества в условиях коллективизации и борьбы с кулачеством, по мнению властей, привели к необходимости ужесточения наказаний и изданию Постановления от 7 августа 1932 г. Этой же точки зрения придерживается И. В. Пыхалов [4, с. 100–104]. Однако это исключение из правил, большинство авторов негативно оценивают принятие и реализацию этого нормативного правового акта [5, с. 114–123; 6, с. 43–47]. Нормы, изложенные в указанном Постановлении, являлись специальными и поэтому в случае совершения указанных деяний применялась не ст. 162 УК РСФСР, а Постановление от 7 августа 1932 г.

Таким образом, к источникам уголовного права относился не только УК РСФСР 1926 г., но и другие нормативные правовые акты, содержание уголовно-правовые нормы. Это отличается от того, что указывается в ст. 1 УК РФ, когда новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс.

В рассматриваемых нормативных правовых актах используются термины «враг трудящихся» и «враг народа». Впервые в юридическом, а не в политическом смысле слова термин «враг революции или народа» упоминается в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, утвержденных Постановлением Наркомата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г., в виде наказания: объявлением таковым (п. «л» ст. 25). В УК РСФСР 1926 г. упоминается термин «враг трудящихся» в прим. 1 ст. 14, п. «а» ст. 20, 23, 27 также в виде наказания, которое подразумевало лишение гражданства СССР и изгнание из страны за контрреволюционные преступления. В Постановлении от 7 августа 1932 г. «враги народа» – это расхитители общественной собственности (государственной, колхозной, кооперативной), поскольку покушались на коллективную собственность. Таким образом, «враг народа» упоминается в этом нормативном правовом акте и имеет конкретный смысл. Так же как в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. указывалось, что расхитители общественной, социалистической собственности являются «врагами народа».

В Постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. только насилие и угрозы к колхозникам со стороны кулаков с целью заставить последних выйти из колхозов для насильственного разрушения колхоза приравнивались к государственным

преступлениям, поскольку речь шла о насилии либо угрозе применению такого с указанием цели: разрушение колхозов. Кражи грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также имущества колхозов и кооперативов относились к имущественным преступлениям, только становились квалифицированной кражей, поскольку наряду с государственной собственностью подлежали усиленной уголовно-правовой охране и очень строго наказывались.

К государственным преступлениям согласно Постановлению ЦИК СССР «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных для преступлений против порядка управления)» от 25 ноября 1927 г. относились контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления, что нашло отражение в УК РСФСР соответственно в ст. 58.1–58.14 и 59.1–59.13. В первоначальной редакции 22 ноября 1926 г. по ст. 58.1 контрреволюционным преступлением считалось действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению существующей власти, а также действия на оказание помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. Контрреволюционным признавалось также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержало в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции. В последующем, например в редакции 25 ноября 1935 г. ст. 58.1 контрреволюционным рассматривалось всякое действие, направленное к

свержению, подрыву или ослаблению власти СССР, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности СССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции и включала в себя п. «а», «б», «в» и «г», 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, которые предусматривали ответственность за измену родине (выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу), такие же действия, совершенные военнослужащими, а также родственников военнослужащих, совершивших бегство или перелет за границу и за недонесение о готовящейся или совершенной измене военнослужащими. Ст. 58.1 во многом совпадает со ст. 275 УК РФ («Государственная измена», т. е. совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдачу иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации). И этот перечень можно продолжить: 1) ст. 58.2 предусматривает вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре и на местах в тех же целях, и в частности с целью насильственно отторгнуть от СССР какую-либо часть территории или расторгнуть заключенные СССР с иностранным государством договоры, что в целом соотносится со ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж» и ст. 280.2 УК РФ «Нарушение

территориальной целостности РФ»; 2) ст. 58.6 УК РСФСР «Шпионаж» предусматривает передачу, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, что соответствует ст. 276 УК РФ «Шпионаж»; 3) ст. 58.9 УК РСФСР указывает на «разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных средств сообщения...» и может рассматриваться аналогично ст. 281 УК РФ «Диверсия»; 4) ст. 58.12 УК РСФСР «о недонесении о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» соответствует ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», за исключением примечания по которому лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Как видим, часть составов контрреволюционных преступлений в целом совпадала с составами, предусмотренными Уголовным кодексом Российской Федерации, и они не являются политическими, за исключением с нашей точки зрения ст. 58.10 УК РСФСР «Агитация и пропаганда, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58.2–58.9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». При этом стоит отметить, что превалирует другая точка зрения о том, что статья 58 со всеми 14 индексами, за исключением статьи 59, носит политический характер, так, например, считает В. В. Филатов [7, с. 615]. Именно по ст. 58.10 УК РСФСР больше всего привлекалось к уголовной

ответственности, что, например подтверждается исследованием Е. М. Мишиной, в котором делается вывод о том, что из исследованных дел, в которых фигурировали 544 человек в 1935 г., 338 человек были осуждены именно по этой статье, остальные в сочетании с другими и большинство в сочетании со ст. 58.11, 58.14, а в 1936 г. из 124 человек по ст. 58.10 было осуждено 114 человек, остальные в сочетании с другими и большинство в сочетании со ст. 58.2, 58.11 [8].

В соответствии с ч. 1 ст. 1.1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (далее – Закон от 18 октября 1991 г.) реабилитации подлежат лица, которые осуждены за государственные и иные преступления и подвергнуты уголовным репрессиям внесудебными органами. К категории государственных преступлений, по которым осуждались по политическим мотивам, относились контрреволюционные преступления, предусмотренные ст. 58.1–58.14 УК РСФСР. Вместе с тем не все осужденные лица подлежали реабилитации, а только те, в действиях которых отсутствовали признаки преступления, предусмотренные указанными статьями, или действиям которых дана неверная юридическая оценка. В законе политическими признавались государственные преступления, рассмотренные во внесудебном порядке. Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2021 г. № 50-Н21-1 приговор по ст. 58.8 УК РСФСР за совершение террористического акта, направленного против представителей Советской власти или деятелей рабочих и крестьянских организаций, был изменен, действия переключены на ч. 1 ст. 146 УК РСФСР «Умышленное нанесение

удара, побоев и иные насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли». Суд переключил деяния, исходя из того, насильственные действия в отношении члена налоговой комиссии: наносил удары палкой и бил ногами исходя из личной неприязни. Ст. 58.8 УК РСФСР 1926 г. относилась к контрреволюционным преступлениям, а потому должен быть в действиях лица контрреволюционный мотив, который с точки зрения суда не был доказан¹. Ст. 58.1, давая понятие контрреволюционным преступлениям как действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти СССР, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности СССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции, предполагала конкретизацию этих действий, поскольку в самой ст. 58.1 формулировалась цель совершения этих действий, т. е. при отсутствии такой цели, деяния не могли быть квалифицированы как контрреволюционные. Так, например, разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных путей квалифицировалось по ст. 58.9, но если разрушение или повреждение железнодорожных путей осуществлялось с целью крушения поезда, то по ст. 59.36. Деяние, предусмотренное ст. 59.36, относилось к государственным преступлениям (особо опасным преступлениям против порядка управления), но не являлись контрреволюционными.

Контрреволюционные преступления заключались в следующих действиях: измена; вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд; захват власти; сношения в контрреволюционных целях с

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2021 г. № 50-Н21-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

иностранным государством или иностранным государством, находящимся с СССР в состоянии войны; оказание помощи буржуазии, которая стремится к свержению коммунистической системы; вмешательство в дела СССР путем блокады, захвата государственного имущества; шпионаж; противодействие нормальной деятельности учреждений и предприятий в контрреволюционных целях; террористические акты; разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, пожаром или другим способом железнодорожных путей, иных средств сообщения, государственного или общественного имущества; пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений; активные действия или активная борьба против революционного движения, проявленные на службе при царском строе или контрреволюционных правительств в годы Гражданской войны; контрреволюционный саботаж. В указанном перечне контрреволюционных преступлений отсутствует кража грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также имущества колхозов и кооперативов, т. е. кража социалистической собственности.

Преступления, предусмотренные Постановлением от 7 августа 1932 г. в виде кражи социалистической собственности, являлись общеуголовными преступлениями, «врагами народа» признавались лица, совершившие кражи (расхитители) этого имущества, указанные деяния не относились к контрреволюционным, а соответственно лица, совершившие эти преступления, не подпадают по действие Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1.

Вместе с тем в некоторых случаях реабилитация вызывает сомнения. Так,

А. В. Сушков с нашей точки зрения совершенно справедливо ставит вопрос о реабилитации в июне 1995 г. прокуратурой Магаданской области в отношении В. А. Синякова, приговоренного к расстрелу в ноябре 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД по Дальстрою по ст. 58.14 УК РСФСР. Осенью 1934 г. шестнадцатилетний В. Синяков стал учеником школы ФЗУ при Уралвагонзаводе, которая готовила профессиональные кадры для завода. 80 % учащихся были из детских домов. Учащиеся проживали в общежитии, обеспечивались питанием в столовой, при школе был организован клуб, учащиеся могли работать на производстве и хорошо зарабатывать. Среди них выделилась группа отличников и хорошистов во главе с И. Мальцевым, а другую группировку возглавил В. Синяков, члены которой сбегали с занятий, распивали в общежитии алкоголь, совершали кражи и пытались подчинить Мальцева и его товарищей, которых запугивали и угрожали расправой. Об угрозах Мальцев и его товарищи поставили в известность руководство школы. Синякова и еще трех человек по очереди исключили из школы за неуспеваемость, непосещение и хулиганство. В 1935 г. В. Синяков был осужден по ст. 162 УК РСФСР за кражи и приговорен к одному году лишения свободы, также были осуждены и другие члены его группы. После возвращения члены группировки начали мстить Мальцеву и его товарищам, угрожали, избивали, похищали их вещи. Руководство школы, к которому обращались И. Мальцев и его товарищи, несмотря на реальные угрозы мер не предпринимало. 18 сентября 1936 г. Синяков и члены его группы из двух десятков человек вооруженные ножами, железными прутьями и металлическими болтами, напали на товарищей Мальцева, в результате двое получили ножевые ранения и скончались, один был тяжело ранен, были избиты несколько учащихся. По факту случившегося милицией было возбуждено

уголовное дело, Синякову и шести членам его группировки было предъявлено обвинение по ст. 59.3 «Бандитизм». В ходе следствия выяснилось, что накануне очередной годовщины Октябрьской революции члены банды Синякова сорвали и уничтожили три флага и распевали «контрреволюционные частушки», однако им не было предъявлено обвинение по ст. 58. Не предъявлялось также обвинение в угрозе убийством и умышленном убийстве. Синяков и члены его группировки были осуждены за бандитизм. Синяков отбывал наказание на Колыме, где был осужден уже по ст. 58.14 за контрреволюционный саботаж. Ему в вину вменяли неоднократный отказ от выполнения работ и умышленное членовредительство [9, с. 176–179]. Под контрреволюционным саботажем понималось сознательное неисполнение определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, при особо отягчающих обстоятельствах предусматривался расстрел. Учитывая личность преступника, время совершения преступления (ноябрь 1941 г.), реабилитация Синякова по ст. 58.14 вызывает вопросы, за кражи и бандитизм реабилитирован не был. В. Синяков представлен как жертва политических репрессий в книге¹, в базе данных «Мемориала»² и упоминаемой уже базе данных жертв репрессий в СССР «Бессмертный барак», где написано тоже самое³, что в базе данных «Мемориала». По этим сведениям, Синяков находился под следствием с 1936 г. по 1941 г., а потом был приговорен к расстрелу по ст. 58 (без указания части), приговоры по ст. 162 и ст. 59.3 УК РСФСР не указываются. Здесь необходимо упомянуть Приказ Прокуратуры СССР от 16 марта 1939 г.,

в котором анализировалась судебная практика Верховного суда РСФСР по обвинению по ст. 58.14 УК РСФСР. В документе указывалось, что необоснованно возбуждается уголовное преследование против заключенных, которые не являются злостными дезорганизаторами и нередко к ним применяют высшую меру наказания. Приговоры Верховный суд РСФСР по этим делам отменял и отправлял на дополнительное расследование, либо заменял расстрел на лишение свободы. Например, Колымским спецсудом Б. и С. были осуждены по ст. 58.10 и 58.14 к расстрелу. В приговоре указывалось, что они проводили антисоветскую пропаганду среди заключенных и сами систематически не работали. Между тем обвинение в контрреволюционной пропаганде было основано на противоречивых свидетельских показаниях, не ясно среди каких заключенных они проводили эту агитацию. Обвинение по ст. 58.14 основано также на противоречивых доказательствах, имеется только один акт об отказе от работы и подписан он одним человеком, вместо четырех, участвовавших в его составлении, и не были приобщены документы бухгалтерии, по которым должно быть определено сколько дней обвиняемые не работали. Дело отправлено на новое рассмотрение [10, с. 157]. Из приведенного примера видно, что и прокуратура, и высший судебный орган обращали внимание и на необходимость доказывания самого деяния и вины в совершении инкриминируемого деяния, а также необходимости качественного собирания доказательственной базы.

В соответствии с п. «а» ст. 5 Закона от 18 октября 1991 г. подлежали реабилитации лица за антисоветскую агитацию и пропаганду (в разных редакциях УК

¹ За нами придут корабли: список реабилитированных лиц, сметные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999. 215 с.

² Общество «Мемориал» внесено в список некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента; ликвидировано решением Верховного Суда РФ от 28 февраля 2022 г.

³ URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/528118/> (дата обращения: 11.12.2023).

РСФСР это 58.13 или 58.10). Российский законодатель указал, что антисоветская агитация и пропаганда признаются деяниями, не содержащими общественной опасности, независимо от фактической обоснованности обвинения лица. Таким образом, все лица, осужденные по ст. 58.10 УК РСФСР подлежат реабилитации. С нашей точки зрения российский законодатель тем самым признал только эту статью политической, что, собственно, и было сформулировано выше. Например, Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 25-П20ПР приговор в части осуждения по ст. ч. 1 ст. 58.10 отменен и указывалось, что в высказываниях осужденного, так как они изложены в судебных решениях, не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти¹. При этом были исключения из правил. Так, Постановлением Президиума Ростовского областного суда от 20 сентября 2012 г. приговор по ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР был оставлен в силе, хотя в заключении заместителя прокурора Ростовской области ставился вопрос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления в соответствии с Законом от 18 октября 1991 г.².

Реабилитации не подлежат по ст. 4 Закона от 18 октября 1991 г. лица, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; в) организация бандформирований, совершавших убийства, грабежи и другие

насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований; г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия. Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления. В качестве примера можно привести Постановление Президиума Ростовского областного суда от 20 сентября 2012 г. Л.В.К. был осужден за то, что проживая на временно оккупированной немецкими войсками территории совместно с семьей, добровольно выехал в Германию, где сначала работал на заводе рабочим, а затем в качестве полицейского в лагере русских и других граждан. В период с 1942 по 1944 г. в качестве полицейского выполнял распоряжения немецкой администрации в части поддержания фашистского режима, установленного в лагере. За отказ от работы избивал советских граждан и высказывал антисоветские измышления, направленные в ущерб советскому строю, восхвалял фашистские порядки и режим, установленный немецкими захватчиками. Приговором Военного трибунала войск МВД Ростовской области от 26 марта 1947 г. по ст. 58-1а УК РСФСР был осужден к 10 годам лишения свободы в

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 25-П20ПР. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Президиума Ростовского областного суда от 20 сентября 2012 г. № 44-у-507. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах по п. «а, б, в, г» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять лет с конфискацией всего принадлежащего имущества и по ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах по п. «а, б, в, г» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять лет с конфискацией всего принадлежащего имущества. По ст. 49 УК РСФСР по совокупности преступлений ему было назначено наказание 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на пять лет с конфискацией всего принадлежащего имущества. Определением Военного трибунала войск МВД Северо-Кавказского округа от 15 апреля 1947 г. приговор оставлен без изменений. 5 февраля 1955 г. Ростовской областной комиссией по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР, приговор оставлен в силе. 17 марта 1994 г. уголовное дело пересматривалось в прокуратуре Ростовской области без обращения в порядке исполнения Закон от 18 октября 1991 г. и осужденный был признан не подлежащим реабилитации. Дело повторно проверялось в связи с обращением внучки осужденного о реабилитации. Заключение, утвержденным заместителем прокурора Ростовской области от 23 августа 2012 г., было отказано в реабилитации. Постановлением Президиума Ростовского областного суда надзорное производство по заключению заместителя прокурора об отказе в реабилитации было прекращено¹. Таким образом мы видим, что приговор об измене Родине и пропаганде, содержащей призыв к свержению Советской власти, совершаемая в военной обстановке, был оставлен в 1955 г., 1994 г. и 2012 г. без изменений и лицо не было реабилитировано. Вместе с

тем встречались вопиющие случаи, когда в 1996 г. был реабилитирован решением Главной военной прокуратуры группенфюрер СС Г. фон Паннвиц, который командовал казачьими частями, участвовавшими в карательных операциях в Югославии. В 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР он был повешен. В 2001 г. Главная Военная прокуратура вынесла уже иное заключение по этому вопросу, о том, что Паннвиц осужден обоснованно и реабилитации не подлежит [11, с. 238].

Ст. 1.1. Закон от 18 октября 1991 г. считаются подвергшимся политическим репрессиям и подлежащими реабилитации дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении; дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам. Необходимо отметить, при принятии решения о реабилитации обязательно требуется детальное исследование обстоятельств дела. В этой связи будет показательным следующий случай. В 2007 г. заявитель С.С.С. обратился в прокуратуру республики с обращением и ему была выдана справка о его реабилитации на основании ч. 1 ст. 1.1 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» как родившемуся и находящемуся в местах лишения свободы вместе со своим отцом И.И.И., необоснованно репрессированным по политическим мотивам на основании заключения составленного 7 мая 2007 г. первым заместителем республики. 21 июня 2019 г. в прокуратуру республики поступило обращение председателя Комитета по социальной политике города, где проживал С.С.С. от 31 мая 2019 г. о несогласии с решением прокуратуры

¹ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 20 сентября 2012 г. № 44-у-507. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

республики о реабилитации С.С.С. В ходе проверки прокуратурой было установлено, что отец заявителя И.И.И. был арестован 10 апреля 1942 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-16 УК РСФСР и осужден по постановлению Особого совещания при НКВД СССР за изменническое поведение во время пребывания в плену у немцев к 8 годам лишения свободы. 13 декабря 1956 г. уголовное дело в отношении И.И.И. было пересмотрено Военным трибуналом Московского военного округа и постановление было отменено, а уголовное дело на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления. По данному делу он был реабилитирован и ему была выдана справка от 9 июля 1962 г., а 8 декабря 2006 г. Московским окружным военным судом была выдана повторная справка. Однако, в ходе проверки было установлено, что отбывая наказание И.И.И. 14 октября 1944 г. был осужден Военным трибуналом войск НКВД СССР при комбинате Воркутауголь по Постановлению ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. за хищение социалистической собственности к 10 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на 5 лет с поглощением срока наказания, назначенного по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 3 апреля 1943 г. Начало отбывания наказания было исчислено с 14 октября 1944 г. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. И.И.И. был освобожден от дальнейшего отбывания наказания со снятием судимости. Затем И.И.И. был осужден по приговору народного суда первого участка г. Воркуты от 23 октября 1956 г. по ст. 107 УК РСФСР за то, что систематически занимался скупкой и перепродажей промышленных

товаров к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года с конфискацией имущества. Начало отбывания с 30 августа 1956 г. И.И.И. был освобожден 5 октября 1959 г. условно-досрочно на 1 год 1 месяц 18 дней. После освобождения из мест лишения свободы И.И.И. прибыл в город, в котором проживала И.Т.И. с ребенком. И.Т.И. была осуждена 12 августа 1947 г. по приговору судебной коллегии по уголовным делам городского суда по Постановлению ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. с применением положений Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» от 26 мая 1947 г. за хищение социалистической собственности к 25 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. Начало отбывания наказания исчислено с 3 июня 1947 г. По определению Верховного Суда СССР от 28 апреля 1954 г. срок наказания И.Т.И. был снижен с 25 лет до 10 лет лишения свободы. 16 марта 1953 г. И.Т.И. была переведена в лагерный пункт с общим режимом содержания для беременных и кормящих матерей в совхоз, где и находилась до освобождения. 15 мая 1953 г. И.Т.И. родила сына. 23 июля 1955 г. И.Т.И. была освобождена из мест лишения свободы по отбытию срока наказания с применением зачетов рабочих дней. Таким образом, на дату рождения заявителя 15 мая 1953 г. его отец за контрреволюционное преступление фактически отбыл наказания с 10 апреля 1942 г. по 9 апреля 1950 г., а отбывал наказания по приговору Военного трибунала войск НКВД при комбинате Воркутауголь от 14 октября 1944 г. за хищение социалистической собственности до 14 сентября 1953 г. был освобожден. Мать заявителя находилась в местах лишения свободы с 12 августа 1947 г. и по 23 июля 1955 г. за хищение

социалистической собственности. Преступление, предусмотренное ст. 107 УК РСФСР «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления» и хищение социалистической собственности, к контрреволюционным преступлениям не относились и действие Закона от 18 октября 1991 г. на эти деяния для реабилитации лиц не распространяется. Заявитель родился тогда, когда его родители отбывали наказание за общеуголовные, а не контрреволюционные деяния. Следовательно, он необоснованно по решению первого заместителя прокурора республики был признан подвергшимся политическим репрессиям и реабилитирован. В связи с установлением всех указанных обстоятельств ранее принятое решение было отменено постановлением и. о. прокурора республики от 1 июля 2019 г.¹

Подводя итоги, следует отметить, что тема требует дальнейшего исследования причем, объективного, как писал Тацит «*Sine ira et studio*» (Без гнева и пристрастия). Термин «невинно осужденные» применим далеко не ко всем реабилитированным, а только к тем, кто был осужден по сфабрикованным, надуманным обвинениям, вина которых не была доказана. Проверка должна быть тщательной, рядом с именами этих людей не должны быть имена воров, убийц, бандитов. Нельзя обманывать и распространять информацию, не соответствующую действительности, примеры такого несоответствия приведены в данной работе. Было не мало тех, кого реабилитировали потому, что их борьба против большевизма и советской власти якобы была «справедливой», хотя они совершали преступления с оружием в руках. Так, в середине 1990-х гг. происходила массовая реабилитация практически всех участников многочисленных кулацко-крестьянских

восстаний и мятежей 1918–1933 гг. (реабилитировали всех подряд, включая лиц, расстреливавших и вешавших коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов) [11, с. 235]. Происходило это в соответствии с п. «е» ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», по которой признаются подвергшимся политическим репрессиям те лица, которые были признаны социально опасными по политическим мотивам и подвергнуты лишению свободы, ссылке, высылке по решениям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления. С правовой точки зрения это выглядит сомнительным.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые призывают к объективному [9 ; 10 ; 11], тщательному изучению этого периода, с учетом использования конкретно-исторического метода, чтобы понять все причины происшедшего, действительные масштабы политических репрессий, правильной правовой оценки при решении вопросов о признании жертв политических репрессий и их реабилитации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булатов С. Я. Закон 7 апреля 1935 г. в системе советского уголовного права // Социалистическая законность. 1937. № 4. С. 14–24.
2. Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940 : учебное пособие. Москва, 1998. 232 с.
3. Смыкалин А. С. Из истории правоприменительной практики 1930-х годов: дело самого молодого в СССР серийного убийцы-педофила // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : сборник конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. Том I. Санкт-Петербург :

¹ Архив Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 261–265.

4. Пыхалов И. В. «Закон о пяти колосках» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 100–104.

5. Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

6. Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Законность по-сталински: Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. и его реализация // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 43–47.

7. Филатов В. В.

«Контрреволюционные преступления» в сельском хозяйстве Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. Т. 29. № 4. С. 614–624.

8. Мишина Е. М.

«Контрреволюционные преступления» 1935–1937 гг.: анализ частот встречаемости пунктов статьи 58 УК РСФСР в ходе репрессий на Алтае // История. 2015. Т. 6. Выпуск 8 (41).

9. Сушков А. В. За кем придут корабли? Узник колымских лагерей Валерий Синяков // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 175–181.

10. Жаркой М. Э. Репрессии середины тридцатых (проблемы осмысления сущности) // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 148–159.

11. Земсков В. Н. Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий : монография. Москва : Проспект, 2021. 760 с.

УДК 340.12
EDN EDSRQX

Козинникова Екатерина Николаевна,
старший преподаватель кафедры теории и истории
Санкт-Петербургского университета МВД России
ул. Летчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206,
e-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5279-5384

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ КОНЦА XIX В. О СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПРЕДЕЛАХ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Существующее в современном мировом сообществе внимание к проблемам построения правового государства и соблюдения в нем прав и свобод человека и гражданина обуславливает актуальность вопросов, связанных с применением мер государственного принуждения, ограничивающих эти права и свободы. Возможность гармоничного сочетания общественных, корпоративных и личных интересов опирается в правовом государстве на предоставленное государственной власти права использовать различные правовые средства регулирования общественных отношений. В условиях возникновения факторов, дестабилизирующих государственно-правовое развитие, государственная власть может вводить чрезвычайный правовой режим, при котором расширяются принудительные полномочия государственных органов и ограничиваются права и свободы граждан. Именно с введением в России чрезвычайного правового режима связано начало разработки в рамках науки полицейского права вопросов о пределах применения государственного принуждения.

Чрезвычайный правовой режим в России впервые был введен в 1881 г. и действовал вплоть до краха монархии в 1917 г. Эффективность реализации широких принудительных полномочий, предоставленных государственным органам (прежде всего полиции) с целью сохранения в Российской империи общественного спокойствия и государственной безопасности, в конце XIX – начале XX в. являлись предметом критического осмысления российских государствоведов. Отечественные государствоведы в конце XIX – начале XX в. определили возможность обеспечения безопасности и территориальной целостности государства посредством организации эффективной полицейской деятельности, а также оценили результативность использования чрезвычайных правовых мер, находившихся в распоряжении полицейских органов, в том числе широких принудительных полномочий полицейской власти.

В связи с этим, исследование теоретического наследия российских государствоведов конца XIX – начала XX в. и выявление их взглядов на организацию, эффективность и пределы применения государственного принуждения имеет на современном этапе теоретико-методологическое, практическое и социальное значение.

Ключевые слова: отечественное государствоведение, государственное принуждение, меры принуждения, полицейстика, полицейское право, принудительные полномочия, чрезвычайный правовой режим.

Kozinnikova Ekaterina Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Department
of Theory and History St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Pilyutova Pilot str., St. Petersburg, Russia, 198206,

e-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-5279-5384

RUSSIAN STATE STUDIES OF THE LATE XIX CENTURY. ON THE ESSENCE OF STATE COERCION AND THE LIMITS OF ITS APPLICATION

Annotation. The attention that exists in the modern world community to the problems of building a rule-of-law state and the observance of human and civil rights and freedoms in it determines the relevance of issues related to the use of state coercion measures that restrict these rights and freedoms. The possibility of a harmonious combination of public, corporate and personal interests is based in a State governed by the rule of law on the right granted to the state authorities to use various legal means of regulating public relations. In the conditions of the emergence of factors that destabilize the state-legal development, the state power can introduce an emergency legal regime, in which the coercive powers of state bodies are expanded and the rights and freedoms of citizens are limited. In the conditions of the emergence of factors that destabilize the state-legal development, the state power can introduce an emergency legal regime, in which the coercive powers of state bodies are expanded and the rights and freedoms of citizens are limited. It is with the introduction of an emergency legal regime in Russia that the beginning of the development of questions about the limits of the use of state coercion within the framework of the science of police law is connected.

The emergency legal regime in Russia was first introduced in 1881 and operated until the collapse of the monarchy in 1917. The effectiveness of the implementation of broad coercive powers granted to state bodies (primarily the police) in order to preserve public peace and state security in the Russian Empire, in the late XIX – early XX century. were the subject of critical reflection of Russian state historians. At the end of the XIX – beginning of the XX century, Russian state historians determined the possibility of ensuring the security and territorial integrity of the state through the organization of effective police activity, and also assessed the effectiveness of the use of emergency legal measures at the disposal of police authorities, including broad coercive powers of the police authorities.

In this regard, the study of the theoretical heritage of Russian statesmen of the late XIX – early XX century and the identification of their views on the organization, effectiveness and limits of the use of state coercion has theoretical, methodological, practical and social significance at the present stage.

Key words: domestic state studies, state coercion, coercive measures, policeistics, police law, coercive powers, emergency legal regime.

Стремление к обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина правового государства в любой ситуации – определяет актуальность вопросов, связанных с проблемами применения государственного принуждения, влекущего за собой те или иные правоограничения личности, к которой это принуждение применяется.

В отечественной политико-правовой мысли вопросы, связанные с определением сущности государственного принуждения, субъектов и пределов его применения

широкую разработку получили в рамках науки полицейского права в конце XIX в.

Социально-политическая обстановка в Российской империи в конце XIX в. характеризовалась крайней нестабильностью. Несмотря на реформирование политико-правовой организации в России, ожидаемого широкими слоями населения ограничения самодержавной власти так и не произошло. Несовпадение интересов между государством и обществом с неизбежностью вело к кризисным проявлениям. Нежелание и неспособность

власти реагировать на происходящие в общественном сознании изменения путем радикальной трансформации формы правления, расширения политических прав и свобод граждан, отказа от несоответствующего фактическим отношениям сословного деления общества, а также половинчатость и непоследовательность самих реформ, которые фактически сохраняли старые принципы общественного устройства, провоцировали общественно недовольство. Формой проявления этого недовольства стала активизация деятельности революционных организаций, методом борьбы которых все чаще становились террористические акты.

Революционная ситуация, сложившаяся в Российской империи в конце XIX в., несла в себе угрозу существовавшей форме государства и установленному правопорядку, а несостоятельность точечных мер, предпринимаемых правительственной властью для ликвидации данной ситуации, привела к введению на территории Российской империи чрезвычайного правового режима исключительного положения и изданию регламентировавшего данный режим Высочайше утвержденного «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.¹

Анализ норм, содержащихся в данном Положении, свидетельствует о том, что исключительное положение обладает всеми признаками чрезвычайного правового режима: вводится при наличии крайне исключительных обстоятельств (которые характеризуются общественной опасностью, масштабом, перспективой тяжких последствий для общества и

государства); вводится специальным указом; носит временный характер; наделяет государственные органы и должностных лиц широкими принудительными полномочиями; ограничивает свободы граждан.

Реакция государственной власти на обострение социально-политической обстановки в Российской империи в конце XIX в., выразившаяся во введении чрезвычайного правового режима, вызвала подъем в развитии отечественной правовой мысли.

В условиях действия в государстве чрезвычайного правового режима исключительного положения большое значение приобретала проблема поиска ответов на вопросы о месте принуждения в механизме государственного управления, о полномочиях должностных лиц по применению мер принуждения, о соотношении мер убеждения и принуждения в процессе осуществления государственной власти.

В конце XIX – начале XX в. понятие «принуждение» можно встретить в толковых словарях², авторы которых трактуют его как негативное воздействие на человека и подразумевают неправомерность подобных действий. Возможность легального принуждения, как и понятие «государственное принуждение» в справочной литературе указанного периода отсутствуют.

Проблемы применения легального принуждения со стороны государства были осмыслены отечественными государствоведом в конце XIX – начале XX в. в рамках науки полицейского права, что в результате позволило ввести понятия «принуждение», «меры государственного

¹ Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны : Именной, данный Сенату, высочайший указ от 4 августа 1881 г // ПСЗ РИ-3. Т. I. № 382.

² Настольный энциклопедический словарь. 5-е изд. с доп. до 1901 г. Т. 8: Приматы – Сутана. Москва : Т-во бр. А. и. И. Гранат и К°, 1901. С. 4096 ; Большая

энциклопедия : словарь общедоступ. сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. 4-е изд. со стереотипа. Т. 15: Пенька – Пуль. Санкт-Петербург: Просвещение. 1904. С. 629 ; Яковлев Н. Е. Словарь юридических определений, составленный по курсам, принятым в С.-Петербургском университете. Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. Дело». 1910. С. 20.

принуждения», «легальное принуждение» в научный язык и язык законодательства.

Большинство отечественных полицистов конца XIX в. признавали за личностью свободу выбора и свободу воли, но практически никто не допускал возможности построения общества на принципе полной свободы. Большинство государствоведов сходились во мнении, что развитие личности обусловлено состоянием общественного строя, поддержание которого обеспечивается принуждением со стороны государства. Поэтому главная задача, стоящая перед правом, – определить границы применения государственного принуждения, чтобы принуждение оставляло достаточно места свободе как элементу развития личности.

Одним из государствоведов, осмысливших категорию «государственное принуждение» являлся представитель отечественной либеральной политико-правовой мысли профессор Павел Иванович Новгородцев. Ряд работ государствоведа посвящен взаимоотношениям личности и общества [1 ; 2 ; 3]. Являясь приверженцем концепции естественного права, Новгородцев рассматривал нравственную личность как абсолютную ценность и цель прогресса общества. По мнению государствоведа, именно нравственная личность представляет собой источник норм естественного права, на основе которых возможно проводить оценку существующих положений и выдвигание предложений к усовершенствованию и реформе положительного права для нравственных целей. То есть главное назначение естественного права – быть основой для положительного права в определении его нравственных целей и задач. В этом смысле интересы личности и общества не могут быть в полной мере гармонично слиты в единое целое. Каждая личность обладает своеобразием и имеет много обязанностей, в связи с чем имеют место столкновения человека с обществом, которые либо разрешаются примирением,

либо вовсе не разрешаются. По мнению П. И. Новгородцева, только разумное сочетание интересов личности и общества в соответствии с принципами естественного права может дать наилучший результат. Однако это возможно лишь в правовом государстве, которое возлагает на себя «миссию общественного служения», ведь государство – «это, прежде всего, властвование и подчинение, это дисциплина и узда внешнего закона» [1, с. 67]. Анализируя работы К. Маркса и Ф. Энгельса, П. И. Новгородцев указывал на то, что распоряжение вещами и руководство процессами производства «немыслимо без публично-правового регулирования экономического оборота, без принудительных действий государственной власти» [1, с. 115]. Новгородцев рассматривал право и государство как средства, с помощью которых возможно формирование нравственной личности (с учетом того, что органы власти и принуждения являются необходимыми элементами государства) [1, с. 115].

Известный отечественный государствовед Александр Семенович Алексеев полагал, что феномен «принуждение» в человеческих союзах неразрывно связан с властью и подчинением [4, с. 25]. Идеи власти и подчинения возникают в человеческих союзах как ответ на необходимость людям с различными интересами удерживаться в «общественной связанности» [5, с. 26] и достигать целей, ради которых был создан союз. Поэтому правовой порядок, существующий в обществе, – это не что иное, как совокупность принудительных норм, разграничивающих сферу интересов и область деятельности отдельных людей и союзов и определяющих формы их совместной деятельности [5, с. 28]. Высшей формой власти в обществе является государственная власть. Государственная власть представляет собой активную силу, «способную хотеть и действовать в виде тех целей, которые поставлены

государственному общежитию» [5, с. 21]. В своих реальных проявлениях она сводится к принуждению и к повелению [5, с. 21]. Принуждение – это достижение определенной цели посредством преодоления чужой воли. Будучи сторонником идей правового государства, А. С. Алексеев подчеркивал, что принуждение должно применяться только государством и только в правовых формах. Принуждение, не предусмотренное правом данного государства, не может считаться легальным. «Воздействие государства, пока оно не организовано и не проявляется в определенных формах, – писал он, – есть проявление фактической силы, а не проявление государственной власти» [5, с. 32]. Фактическая сила может «вынуждать и вызывать принуждением подчинение, но не имеет права повелевать и своими повелениями вызывать обязанность повиноваться» [5, с. 32].

Владимир Александрович Гаген полагал, что государство во исполнение своих функций дарует гражданам права и одновременно с этим налагает на них массу публично-правовых обязанностей (подчиняться правовым предписаниям, платить налоги, защищать Отечество и т. д.). В случае неисполнения гражданами обязанностей, государство располагает целым ассортиментом различных способов понуждения к их исполнению, а потому может немедленно осуществить одну или несколько понудительных мер, которые дадут желанный результат [6, с. 4]. По мнению В. А. Гагена, применение таких мер, в которых проявляется власть и могущество государства и которые имеют своей задачей понуждение граждан к исполнению публично-правовых обязанностей, является государственным принуждением [6, с. 5]. Эти меры заключаются в воздействии на личность человека путем применения физической силы, в ограничении его прав, как гражданских, так и публичных, в удалении его из данной местности, в воздействии на психику гражданина путем угрозы

наказанием. В каждой стране сложился свой специфический строй государственного принуждения. Профессор В. А. Гаген отмечал, что чем «полнее и явственнее государство осуществляет идеалы права, тем резче сказывается влияние судов» [7, с. 32] при применении государственного принуждения, и тем ощутительнее для граждан становится благодетельность проверки судом требований исполнительных органов к гражданам и, следовательно, необходимость применения той или иной меры государственного принуждения. Напротив, чем больше государство сохраняет в своей правовой жизни остатков, пережитков полицейского государства, тем шире произвол органов исполнительной власти в применении мер принуждения, тем чувствительнее отражается это усмотрение органов исполнительной власти на правах граждан [6, с. 5–6].

В. М. Гессен, рассуждая о сущности государственного принуждения, приходил к выводу о том, что по силе и результату воздействия на убеждения человека принуждение не является главным средством, и ему «не принадлежит последнее слово» [8, с. 127]. Принуждение как средство для поддержания заданного порядка в социуме позволяет большинству людей безопасно реализовывать свои права и интересы. Посредством принуждения происходит противодействие асоциальным и противостоящим интересам общества поступкам человека, ограничивается его свобода, продуцируется желательное поведение в целях снятия социальной напряженности и создания условий для развития общества. Исходя из этого, по мнению В. М. Гессена, принуждение – это одна из важнейших функций государства. Законодательство, предусматривающее возможность применения принуждения, должно носить провизорный характер, то есть заранее предусматривать все возможные меры принуждения, случаи их применения и границы и исключать

возможность широкого личного усмотрения со стороны должностных лиц, уполномоченных на его применение.

И. Е. Андреевский, будучи приверженцем теории правового государства, полагал, что права и свободы человека гарантируются строгой, но основанной на законе полицейской властью, поэтому и принуждение, осуществляемое государством, государствовед отождествлял с принуждением, используемым полицией. Сущность полицейского принуждения – в устранении причин и условий, нарушающих безопасность отдельного лица, общества или государства; предупреждении и пресечении «злой воли» людей, посягающих на права других субъектов; предупреждении и пресечении угроз, вытекающих не из «злой воли» человека, а из его природы [9, с. 1–8]. Андреевский писал, что при любых условиях человеческой жизни, даже при самых благоприятных, всегда найдутся личности, готовые посягнуть на права других, поэтому государству всегда придется изыскивать предупредительные меры для противодействия таким явлениям [9, с. 12]. К числу предупредительных мер государствовед относит наблюдение за общественными союзами и ассоциациями, пресечение «восстаний», «возмущений», «расхищения государственной собственности» и др. – все эти меры он относил к принудительной деятельности полиции. Андреевский признавал за каждым человеком право на личную свободу деятельности и считал не просто излишним, но и вредным ограничивать ее со стороны государства, когда этого не требуется. Формула, которая выступала критерием допустимости вмешательства органов государства в частную сферу, определялась положением: «во всех случаях, когда отдельное лицо собственными силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна

явиться деятельность других, называемая полицейской» [9, с. 17].

Таким образом, анализ теоретического наследия отечественных государствоведов конца XIX – начала XX в. в контексте вопросов, касающихся сущности государственного принуждения, позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX в. в рамках науки полицейского права к определению понятия «государственное принуждение» существовало несколько подходов:

– государственное принуждение – это право государства на вмешательство в частную жизнь в тех случаях, когда интересы отдельных личностей противоречили интересам общества в целом или интересам государства, с целью разрешения возникших противоречий (П. И. Новгородцев, А. С. Алексеев);

– государственное принуждение – это функция государства, заключающаяся в понуждении граждан к выполнению возложенных на них публично-правовых обязательств (В. А. Гаген), и как средство поддержания заданного порядка в социуме, позволяющего людям безопасно реализовывать свои права и интересы (В. М. Гессен);

– государственное принуждение – это совокупность мер, предпринимаемых полицией для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, сохранения незыблемости государственного строя (И. Е. Андреевский).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Т. III : Об общественном идеале. Вып. I // [Сочинение] П. Новгородцева. Москва : Тип.-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1917. 510 с.
2. Новгородцев П. И. История философии права : лекции, чит. пр. доц. П. И. Новгородцевым в 1897/8 году. Москва : Лит. Общ. распр. полез. кн., 1897. 270 с.

3. Новгородцев П. И. О задачах современной философии права: речь, произнесенная перед диспутом в Санкт-Петербургском университете 22 сентября 1902 г. Санкт-Петербург : Тир. Санкт-Петербург АО «Слово», 1902. 8 с.

4. Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. Москва : Тип.-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1895. 35 с.

5. Алексеев А. С. Теоретическое обоснование доктрины монархического принципа // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеом. Вып. I (III). Ярославль, 1909. 32 с.

6. Гаген В. А. Учебник административного права. Ростов-на-Дону : Тип. т-ва С. С. Сивожелезов и К°, 1916. 114 с.

7. Гаген В. А. Административная юстиция : конспект лекций, читанных студентам III курса юридического факультета Императорского Варшавского университета. В 1911–1916 гг. Ростов-на-Дону : Тип. Т-ва С. С. Сивожельзов и К., 1916. 113 с.

8. Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву. Санкт-Петербург : Типо-лит. М. Гинсбурга, 1902. 354 с.

9. Андреевский И. Е. Полицейское право. В 2 томах. Том II. Полиция благосостояния. Санкт-Петербург : Типография и Литография А. Е. Ландау, 1876. 727 с.

10. Андреевский И. Е. Полицейское право. Том 1–2. Санкт-Петербург, 1871–1873 ; 2-е изд., испр. и доп. Том 1–2. – Санкт-Петербург: Тип. В. В. Пратц, 1874–1876. 210 с.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

УДК 347.73
EDN EZVMVA

Абдреев Тимур Ирекович,

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП, кандидат юридических наук, доцент,
ул. Московская, 41, г. Казань, Россия, 420111,
e-mail: kasan2003@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7952-9975

Исхаков Айрат Дамирович,

доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
ул. Московская, 41, г. Казань, Россия, 420111,
e-mail: kasan2003@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ
КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В СФЕРЕ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА**

Аннотация. В статье раскрываются правовые особенности заключения концессионных соглашений, которые за счет частных инвестиций призваны обеспечить бесперебойное функционирование и модернизацию социально значимых отраслей экономики. Объектами концессионного соглашения могут выступать, в том числе объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем. Также рассматриваются вопросы прокурорского надзора за реализацией концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и выделяются ключевые его направления.

Приведены случаи эффективного реагирования на правонарушения в рассматриваемой сфере мерами прокурорского реагирования.

Ключевые слова: концессионное соглашение, инвестиционные программы, бюджетное финансирование, нецелевое расходование бюджетных средств, жилищно-коммунальное хозяйство.

Abdreev Timur Irekovich,

Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws and participation of the Prosecutor in administrative, Arbitration and Civil Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan branch of the Russian State Unitary Enterprise, PhD, Associate Professor,
Moskovskaya str. 41, Kazan, Russia, 420111,

e-mail: kasan2003@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-7952-9975

Iskhakov Ayrat Damirovich,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws and participation of the Prosecutor in administrative, Arbitration and Civil Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD
 Moskovskaya str. 41, Kazan, Russia, 420111,
 e-mail: kasan2003@mail.ru

**URGENT ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE
 IMPLEMENTATION OF CONCESSION AGREEMENTS IN THE FIELD OF HOUSING
 AND COMMUNAL SERVICES**

Annotation. The article reveals the legal features of the conclusion of concession agreements, which, at the expense of private investment, are designed to ensure the smooth functioning and modernization of socially significant sectors of the economy. The objects of the concession agreement may be, among other things, heat supply facilities, centralized hot water supply, cold water supply and (or) wastewater disposal systems, individual objects of such systems. The issues of prosecutorial supervision over the implementation of concession agreements in the field of housing and communal services are also considered and its key areas are highlighted.

The cases of effective response to offenses in the area under consideration by measures of prosecutorial response are given.

Keywords: concession agreement, investment programs, budget financing, misuse of budget funds, housing and communal services.

Неблагоприятное положение сферы жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), связанное с неэффективностью управления жилым фондом, тотальной изношенностью коммунальных сетей, необходимостью капитального ремонта жилья, является одной из самых острых социальных проблем в Российской Федерации.

Системное исследование состояния законности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, проведенное М. В. Маматовым и И. А. Масловым, показало, что в период с 2018 по 2022 год имеет место все возрастающая активность со стороны органов прокуратуры по защите прав граждан и публичных интересов в сфере ЖКХ [1, с. 110]. Все активнее для модернизации ЖКХ используются возможности концессионного соглашения, по которому одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или)

реконструировать определенное этим соглашением имущество, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности¹.

Обеспечение законности правового оформления и реализации концессионных соглашений, как механизма государственно-частного партнерства, является важным направлением надзорной деятельности органов прокуратуры в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Актуальность вопроса вызвало и необходимость разработки научно-практического пособия, в котором было

¹ См.: О концессионных соглашениях : Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

рассмотрено правовое регулирование концессионных соглашений, выделены объекты прокурорского надзора за исполнением законов в сфере капитального строительства и реализации концессионных соглашений [2].

Система правового регулирования в рассматриваемой сфере была предметом правового анализа и С. Г. Хусяиновой, которой было отмечено значение региональных законодательных актов и актов органов местного самоуправления в регулировании применения концессионных соглашений [3, с. 63].

По данным Минстроя России в 2022 году из 671 тыс. объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения в концессию передано только около 19 % (125 тыс.). Остальные – в основном эксплуатируются государственными и муниципальными предприятиями¹.

Концессионные соглашения призваны за счет частных инвестиций обеспечить бесперебойное функционирование и модернизацию социально значимых отраслей экономики. Объектами концессионного соглашения могут являться в том числе объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем². Наиболее распространенным объектом концессии выступает находящееся в публичной собственности имущество коммунальной инфраструктуры³.

¹ См.: Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере концессионных соглашений : информационное письмо первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 24 марта 2023 г. №73/1-566-2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. ч. 1 ст. 4: О концессионных соглашениях : Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ ; О разъяснении особенностей концессионных соглашений, заключаемых в отношении объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем : письмо Минстроя России от 17 ноября

Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о концессионных соглашениях позволяет выделить следующие ключевые направления в рассматриваемой сфере, а именно:

- обеспечение законности при заключении и исполнении концессионного соглашения;
- соблюдение норм финансово-бюджетного законодательства при реализации концессионного соглашения;
- соблюдение норм градостроительного законодательства, норм промышленной безопасности, а также норм обеспечивающих информационную открытость данных о заключении и исполнении концессионных соглашений.

Итак, независимо от поступления информации о нарушениях законности органами прокуратуры осуществляется мониторинг соответствия федеральному законодательству правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере концессионных соглашений, в том числе устанавливающих порядок заключения концессионных соглашений, платы по ним, права и обязанности концессионера и концедента, а также связанных с формированием перечня объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений и сделок приватизации объекта концессионного соглашения.

Наиболее эффективной мерой реагирования в случае выявления нарушений закона при издании

2022 г. № 60866-ИФ/04. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Справка: для объектов теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения установлены специальные нормы. Так, главой 6.1 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Федеральный закон № 190-ФЗ), а также главой 7.1 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Федеральный закон № 416-ФЗ) установлены особенности передачи прав владения и (или) пользования указанными объектами коммунального сектора, находящимися в государственной или муниципальной собственности.

обозначенных актов является принесение протеста. В случае его неудовлетворения необходимо рассмотреть вопрос о предъявлении в судебные органы искового заявления с требованием об обязанности публично-правовых образований привести принятые акты в соответствие с федеральным законодательством.

1. На этапе, предшествующем заключению концессионного соглашения, органы прокуратуры дают правовую оценку полноте и своевременности принимаемых публично-правовыми образованиями мер по передаче имущества в концессию.

Органами прокуратуры на данном этапе выявляются факты бездействия муниципалитетов при реализации полномочий собственников имущества, в том числе объектов коммунальной инфраструктуры, незаключение концессионных соглашений в отношении имущества длительное время неиспользуемого и находящегося в неудовлетворительном состоянии, неопределение перечней объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений. Следствием данных нарушений становится отсутствие инвестиционных программ в области теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения¹.

Например, Хотынецким межрайонным прокурором Орловской области в суд направлено исковое заявление к администрации района об обязанности организовать в границах района водоснабжение населения и водоотведение путем передачи прав пользования централизованными системами холодного водоснабжения и водоотведения, а также отдельных объектов таких систем, находящихся в муниципальной

¹ См.: О состоянии законности в сфере исполнения законодательства о концессионных соглашениях : информационное письмо заместителя прокурора Ставропольского края от 20 марта 2023 г. № Исуб-7/2-3934-23/20070001. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

собственности ответчика, по концессионным соглашениям.

В обоснование исковых требований прокурор указал, что в отношении расположенных на территории района и находящихся в муниципальной собственности водопроводных сетей и водозаборных сооружений отсутствуют заключенные концессионные соглашения, право пользование указанными объектами никому не передано, что не соответствует требованиям статьи 41.1 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении». Решением суда требования прокурора были удовлетворены².

По результатам проводимых проверок органами прокуратуры выявлялись случаи неэффективного использования муниципального имущества. Так, в нарушение части 3 статьи 4 Федерального закона от 21.07.2005 №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» администрацией Дальнеконстантиновского муниципального округа Нижегородской области в установленный законом срок не утвержден перечень объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений, что необоснованно ограничивало права потенциальных инвесторов. По результатам рассмотрения представления прокурора района перспективы использования имущества определены.

По представлению прокурора г. Дзержинска Нижегородской области местной администрацией обеспечена постановка на учет бесхозных объектов жилищно-коммунального хозяйства, отсутствие оформленных прав на которые препятствовало обеспечению их

² См.: О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в жилищно-коммунальной сфере в части осуществления расчетов за топливно-энергетические ресурсы, при заключении и реализации концессионных соглашений : информационное письмо заместителя прокурора Орловской области от 13 марта 2023 г. №7-10-2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

надлежащей эксплуатации и передаче в концессию¹.

На этапе заключения концессионных соглашений прокурорами уделяется внимание вопросам соблюдения порядка заключения данных соглашений, в том числе на бесконкурсной основе (включая чрезвычайные ситуации), перехода полномочий по ним третьим лицам (передача прав исполнителя, привлечение сторонних подрядных организаций, не располагающих достаточной материально-технической базой для выполнения в том числе ремонтных работ на объектах), а также законности продления срока их действия и расторжения. Соответствие требованиям федерального законодательства существенных условий концессионных соглашений, порядка внесения в них изменений. При проведении проверочных мероприятий обращается внимание на случаи неконцессионных форм передачи объектов водоснабжения и водоотведения, период эксплуатации которых составляет более пяти лет или неизвестен, поскольку такие объекты подлежат передаче только в рамках концессии.

Так, органами прокуратуры в 2022 году в судах оспорено 264 сделки по передаче объектов ЖКХ в обход концессии и без проведения конкурентных процедур (по договорам аренды, безвозмездного пользования, технического обслуживания)².

Например, органами прокуратуры Саратовской области по результатам проведенной проверки исполнения законодательства о водоснабжении и концессионных соглашениях при заключении договора аренды объектов водоснабжения (буровой скважины,

водонапорной башни и водопроводной сети протяженностью 5,9 тыс. м.) выявлено, что органом местного самоуправления не были проведены конкурсные процедуры по предоставлению объектов коммунального комплекса в концессию. Также орган местного самоуправления в антимонопольный орган с заявлением о даче согласия на предоставление преференции ресурсоснабжающей не обращался.

Прокуратурой Саратовской области по данному факту было направлено в Арбитражный суд области исковое заявление о признании договора аренды водоснабжения недействительным (ничтожным) и применении последствий недействительности ничтожной сделки, которое было удовлетворено, на организацию возложена обязанность возвратить администрации предоставленные по договору аренды объекты водоснабжения³.

Также по результатам рассмотрения иска прокуратуры Нижегородской области признан недействительным договор аренды 11 объектов водоснабжения в Ардатском муниципальном округе Нижегородской области, заключенный с нарушением статьи 28 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении», поскольку дата ввода в эксплуатацию объектов не была определена, и они подлежали передаче по концессионному соглашению⁴.

В указанном регионе органами прокуратуры также выявлялись факты предоставления концессионером поддельных банковских гарантий. В процессе эксплуатации полученного от муниципалитета в рамках концессии имущества, компания отказалась исполнять

¹ См.: О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о концессионных соглашениях : информационное письмо заместителя прокурора Нижегородской области от 25 августа 2023 г. №7-08-2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере концессионных соглашений ...

³ По иску прокуратуры признан недействительным договор аренды объектов водоснабжения. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=77079648 (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ См.: О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о концессионных соглашениях ...

свои обязательства по подаче отопления для жилых домов граждан. В результате в 2 населенных пунктах введены режимы повышенной готовности, что потребовало выделения из бюджета свыше 2 млн рублей на подготовку к отопительному сезону. В связи с наличием в действиях концессионера признаков мошенничества по направленным прокуратурой материалам в декабре 2022 года возбуждено и расследуются 2 уголовных дела по части 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

2. Реализация концессионных соглашений в рамках модернизации жилищно-коммунального хозяйства требует бюджетного финансирования. В связи с этим прокурор анализирует правомерность расходования бюджетных средств на реализацию соглашений (наличие фактов завышения объемов выполненных работ по договору, в том числе содержащихся в проектной документации, возложения на бюджет дополнительных долговых обязательств); достижение целей заключенных соглашений, выполнение концессионерами и концедентами принятых обязательств, в том числе в части сроков их реализации, внесения концессионной платы; решения об изменении концессионного соглашения, которые приводят к изменению доходов (расходов) бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

В настоящее время ведутся дискуссии по разрешению финансирования концессий в сфере ЖКХ за счет субсидий в рамках программы модернизации отрасли путем отмены запрета для соглашений с финансированием за счет платы концедента, то есть с возмещением расходов инвестора после ввода объекта в эксплуатацию². В связи с этим прокурор должен анализировать полноту исполнения инвестиционных и производственных

программ, включающих в себя мероприятия, предусмотренные концессионными соглашениями, параметров инвестиционной деятельности, обоснованность расходования денежных средств в рамках данных программ. В ходе проверки выясняют, проводится ли концессионерами обособление переданных им объектов от собственного имущества, их самостоятельный учет и учет амортизации. Соблюдение порядка приватизации концессионером объекта концессии по окончании срока действия концессионного соглашения.

При наличии злоупотреблений со стороны концессионеров (нецелевое расходование средств, включая бюджетные, полученных на реализацию концессии, в том числе путем использования фирм-однодневок, офшорных компаний, передачи концессионером в залог объекта концессионного соглашения или его отчуждение, преднамеренного, фиктивного банкротства хозяйствующих субъектов, использующих концессионное имущество, а также случаи неправомерных действий при их банкротстве и уклонение от уплаты налогов, необоснованное возмещение НДС) прокурор принимает незамедлительно меры прокурорского реагирования.

Например, прокуратурой города Усолье-Сибирское Иркутской области в рамках проверки исполнения инвестиционных и производственных программ, затраты на выполнение которых учитываются при формировании тарифов, были выявлены факты необоснованно учтенных данных о техническом износе водопроводных и канализационных сетей в г. Усолье-Сибирское, которые были приведены в соответствие с законодательством по требованию прокурора³.

¹ Обзор состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере концессионных соглашений ...

² Коммунальным концессионерам помогут субсидиями. URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/6267983> (дата обращения: 15.10.2023).

³ См.: О состоянии законности и практике прокурорского надзора в сфере тарифного регулирования : информационное письмо заместителя прокурора Иркутской области от

В Красноярском крае из тарифа одного коммунального предприятия на 2022 год исключены не понесенные в 2020 году расходы на сумму 33 млн руб. В Тамбовской области поводом для возбуждения по материалам проверки прокуратуры уголовного дела по части 4 статьи 159 (мошенничество) УК РФ послужило представление ресурсоснабжающей организацией недостоверных сведений относительно затрат на создание и реконструкцию объектов теплоснабжения, что привело к завышению ее тарифа на 90 млн руб.¹

3. В рамках обеспечения законности в рассматриваемой сфере органы прокуратуры проверяют наличие заключений территориальных органов Ростехнадзора о соответствии построенных объектов капитального строительства требованиям технических регламентов и проектной документации, а также разрешений на их ввод в эксплуатацию. Надзорным органом проверяется порядок и цели использования эксплуатируемых объектов концессии, сохранность государственного и муниципального имущества, переданного в рамках концессионных соглашений, исполнение концессионерами обязанности по ремонту объекта концессии и несению иных расходов на его содержание. Полнота и актуальность размещения информации о заключении и исполнении концессионных соглашений на официальных сайтах уполномоченных органов так же проверяется в рамках надзорных мероприятий.

При проведении проверок заключения и исполнения концессионных соглашений,

1 августа 2023 г. №1-32-2023/ 12753-23-20250001. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Обзор о состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о концессионных соглашениях ...

² См.: Алгоритм осуществления надзора за исполнением законодательства в сфере реализации концессионных соглашений в отношении объектов жилищно-коммунального хозяйства : информационное письмо первого заместителя прокурора Самарской от 03 августа 2023 г. № 07-53-

предметом которых являются объекты жилищно-коммунального хозяйства, органами прокуратуры уделяется внимание на правомерность учета в объеме валовой выручки, получаемой концессионером в рамках реализации соглашений, расходов в области электро-, тепло-, газо-, водоснабжения и водоотведения потребителей, а также на качество выполнения поставленных задач при осуществлении поставок населению энергетических и иных видов ресурсов².

Так, проведенной прокуратурой Советского района г. Орла проверкой установлено, что в нарушение требований Федерального закона №115-ФЗ и Положения «О заключении концессионных соглашений в отношении имущества муниципального образования г. Орел», администрацией города перечень объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений в 2021 году, не утвержден и на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов, определенном Правительством Российской Федерации, а также на официальном сайте администрации г. Орла, не размещен.

В связи с этим прокуратурой Советского района г. Орла мэру города внесено представление, по результатам рассмотрения которого выявленные нарушения устранены³.

Подводя итоги, можно отметить, что прокурорский надзор за реализацией концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства носит постоянный и комплексный характер, от

2023/ 12116-23-20360001. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в жилищно-коммунальной сфере в части осуществления расчетов за топливно-энергетические ресурсы, при заключении и реализации концессионных соглашений : информационное письмо заместителя прокурора Орловской области от 13 марта 2023 г. №7-10-2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

эффективности надзорных действий зависит качество, безопасность и доступность жилищно-коммунальных услуг, а также доступность и привлекательность этой сферы для потенциальных инвесторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маматов М. В., Маслов И. А. Состояние законности в сфере жилищно-коммунального хозяйства и работа прокуроров // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. № 6. С. 109–115.

2. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере капитального строительства и реализации концессионных соглашений : науч.-практ. пособие / коллектив авторов ; Генеральная прокуратура Рос. Федерации. Москва : Университет прокуратуры Рос. Федерации, 2021. 76 с.

3. Хусяйнова С. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере концессионных соглашений // Современная наука. 2022. № 2. С. 62–64.

УДК 347.963
EDN GSYRYG

Коршунова Ольга Николаевна,

заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
просп. Литейный 44, Санкт-Петербург, Россия, 191104,
e-mail: olga_korshunova1@mail.ru

Мирошникова Елена Александровна,

аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
ул. Кобозева, 51, г. Оренбург, Россия, 460000,
e-mail: miroshnikova-pr@mail.ru
ORCID: 0009-0006-4467-7189

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРОРА С ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕРОК
ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТАРИФООБРАЗОВАНИИ**

Аннотация. Руководящими приказами Генерального прокурора Российской Федерации надзор за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере призван считаться одним из приоритетных направлений прокурорской деятельности. Осуществлять его надлежит комплексно и гласно, во взаимодействии с органами и организациями различных уровней и специализаций, в том числе совместно с органами государственной власти.

Сложность и экономическая обусловленность прокурорского надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства говорит об острой необходимости обеспечения квалифицированности прокурорских кадров в целях проведения качественных надзорных мероприятий, предупреждения противоправных деяний в коммунальном комплексе.

Органы государственной власти при осуществлении своей деятельности обладают познаниями по вопросам экономики, бухгалтерского учета, установления тарифов, которые могут быть использованы в проведении прокурорской проверки.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, соблюдение законности, жилищно-коммунальное хозяйство, экономика, установление тарифов, коммунальные услуги.

Korshunova Olga Nikolaevna,

Head of the Department of Prosecutor's Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
ave. Foundry 44, St. Petersburg, Russia, 191104,
e-mail: olga_korshunova1@mail.ru

Miroshnikova Elena Aleksandrovna,

PhD student of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Kobozeva, st., 51, Orenburg, Russia, 460000
e-mail: miroshnikova-pr@mail.ru
ORCID: 0009-0006-4467-7189

PROSECUTOR INTERACTION WITH EXECUTIVE AUTHORITIES AS A MECHANISM FOR IMPROVING EFFECTIVENESS OF PERFORMANCE CHECK OF TARIFF FORMATION LEGISLATION

Annotation. By the executive orders of the Prosecutor General of the Russian Federation, supervision of the execution of laws in the housing and communal sphere is intended to be considered one of the priority areas of prosecutorial activity. It should be implemented in a comprehensive and transparent manner, in cooperation with bodies and organizations of various levels and specializations, including jointly with state authorities.

The complexity and economic conditionality of prosecutorial supervision in the field of housing and communal services indicates the urgent need to ensure the qualification of prosecutorial personnel in order to carry out high-quality supervisory measures, prevent illegal acts in the communal complex.

State authorities, in carrying out their activities, have knowledge of economics, accounting, and tariff setting, which can be used in conducting a prosecutor's inspection.

Key words: prosecutor's office, prosecutor's supervision, compliance with the rule of law, housing and communal services, economy, tariff setting, utilities.

В современных реалиях, обусловленных высокими темпами роста цен за потребление коммунальных ресурсов, прокуратура призвана не допустить социальной нестабильности, обеспечив исполнение законодательства при установлении регулируемых государством цен на коммунальные услуги. Растущие требования к организации прокурорского надзора направлены на повышение эффективности прокурорской деятельности в целях недопущения нарушения прав граждан и организаций в результате недобросовестного и в ряде случаев преступного поведения должностных лиц уполномоченных органов.

Не ставя целью рассмотреть все существующие проблемы в данной сфере правоотношений, представляется необходимым остановиться на столь важной составляющей организации надзора, как взаимодействие прокурора с органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, как составной части организационной деятельности,

связанной с проведением проверок исполнения законодательства, регулирующего установление тарифов, в рамках осуществления надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ).

Установление регулируемых государством тарифов – наиболее сложная сфера прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере ЖКХ, поскольку включает в себя не только правовые и нормотворческие аспекты, но и экономически обусловленные положения, требующие проверки правильности осуществления расчетов, обоснованности принятых решений как для потребителя, так и для регулируемой организации, обеспечивающих эффективное продолжение экономической деятельности. Вопросы привлечения прокурором специалиста при проведении проверки исполнения закона уже были предметом исследований. Прежде всего хотелось бы остановиться на позиции профессора А. Ю. Винокурова, который считает необходимым разграничивать порядок

привлечения специалистов, перечисленных в п. 1 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органов вне проведения проверки и закрепленный в 2017 г. механизм привлечения прокурором к участию в проведении проверки представителей тех же государственных органов в целях осуществления ими экспертно-аналитических функций [1, с. 16-23].

В целом, разделяя его позицию, отметим, что применительно к рассматриваемому поднаправлению надзорной деятельности следует говорить о возможности и необходимости использования специалистов из числа работников органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном п. 13 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», когда речь идет о проведении проверок работниками прокуратуры районного звена.

Вопросы привлечения специалистов в рамках проверки рассмотрены и конкретизированы О. Н. Коршуновой и Э. Р. Исламовой, указавших, что результативные проверки использования финансовых ресурсов в сфере ЖКХ не представляется возможным провести без привлечения специалиста в области бухгалтерского учета и аудита [2, с. 140]. Соглашаясь с авторами, следует отметить научную ценность для организации прокурорского надзора в рассматриваемой сфере выводов о возможностях использования специальных познаний для определения показателей финансово-экономической деятельности регулируемой организации; наличия или отсутствия признаков искажения данных бухгалтерского учета и отчетности, выявления причин, характера, способа искажения учетных данных и степени влияния выявленных искажений на показатели финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

В соответствии с п. 2.4 приказа Генерального прокурора РФ от 03.03.2017 № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере» прокурорам при оценке правомерности решений об установлении тарифов на коммунальные услуги и нормативов их потребления надлежит организовывать проверки достоверности и полноты сведений, представляемых хозяйствующими субъектами в органы тарифного регулирования, а также правильности применяемой этими органами методологии и обоснованности произведенных ими расчетов.

В силу ч. 2 ст. 157 Жилищного кодекса Российской Федерации тарифы для расчета размера платы за коммунальные услуги устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Отдельными государственными полномочиями в области установления тарифов могут наделяться органы местного самоуправления.

Таким образом, объектами проверки проводимой прокуратурой города (района), выступают органы местного самоуправления. Однако прокурор, проводящий проверку, не обладает необходимыми специальными знаниями в области установления тарифов в сфере ЖКХ. Вместе с тем такими знаниями обладают работники специализированного органа (подразделения органа) государственной власти субъекта Российской Федерации, которые наделены соответствующими полномочиями в данной сфере и являются объектами надзора за исполнением законов осуществляет прокуратура соответствующего субъекта Российской Федерации. Поэтому грамотно выстроенное взаимодействие с указанными органами и работающими в них специалистами позволит использовать имеющиеся у них специальные знания для

проведения прокурорской проверки более эффективно.

Рассмотрим особенности организации такого взаимодействия на примере органов прокуратуры Оренбургской области. На территории области государственной функцией по установлению тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения наделен Департамент Оренбургской области по ценам и регулированию тарифов (далее – Департамент), осуществляющий свою деятельность на основании Положения о Департаменте, утвержденного указом Губернатора области от 16.12.2015 № 141-ук. Законом Оренбургской области от 28.09.2010 № 3822/887-IV-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления Оренбургской области отдельными государственными полномочиями в сфере водоснабжения и водоотведения и в области обращения с твердыми коммунальными отходами» полномочия в сфере водоснабжения и водоотведения, предусмотренные пунктами 1 и 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», в том числе по установлению тарифов на водоснабжение, переданы органам местного самоуправления Оренбургской области.

Являясь органом по установлению тарифов на отдельные регулируемые виды деятельности, Департамент в лице его специалистов одновременно обладает необходимыми знаниями в рассматриваемой сфере, что позволяет использовать их при проведении прокурором проверок в отношении органов местного самоуправления для оценки правильности утвержденных результатов работы по расчету и установлению тарифов.

В соответствии с перечнем поднадзорных объектов надзор за исполнением законов в деятельности Департамента осуществляется прокуратурой субъекта. Вместе с тем данное обстоятельство не препятствует

привлечению работников Департамента к проверкам нижестоящими прокуратурами. По результатам обобщения материалов практики предлагается выделить две формы участия специалистов в проверочных мероприятиях, при возможности их сочетания:

- непосредственное участие в проверке – совместное с прокурором изучение документации об установлении тарифов регулируемым организациям;
- опосредованное участие – изучение представленных к проверке тарифных дел.

Право выбора конкретной формы взаимодействия со специалистом принадлежит прокурору исходя из цели достижения наиболее эффективной организации процесса проверки и особенностей ее тактики.

Важное значение имеют квалификация и специализация сотрудников Департамента, возможность предоставить профессиональное обоснование тех или иных выявленных нарушений законодательства. Учитывая характер взаимодействия со специалистом, представляется важным и обеспечение с ним благоприятного психологического контакта.

В качестве практического применения взаимодействия предлагается рассмотреть следующий пример привлечения прокуратурой г. Оренбурга Департамента при проведении проверки исполнения законодательства при установлении администрацией г. Оренбурга тарифов на горячее и холодное водоснабжение. С привлечением специалистов Департамента выявлены нарушения законодательства при установлении управлением жилищно-коммунального хозяйства администрации г. Оренбурга долгосрочного тарифа на питьевую воду (питьевое водоснабжение) для двух организаций, сроком действия с 01.12.2022 по 31.12.2023. Изучение совместно с Департаментом экспертных заключений администрации по расчету тарифа на

питьевую воду (питьевое водоснабжение) показало, что в состав необходимой валовой выручки включены экономически необоснованные расходы, что повлекло за собой нарушение установленного законом порядка регулирования тарифов.

По результатам проверки в отношении должностного лица администрации г. Оренбурга, допустившего указанные нарушения, было возбуждено дело об административном правонарушении по признакам ч. 2 ст. 14.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ).

07 июля 2023 г. указанное дело было рассмотрено мировым судьей и лицу, допустившему нарушение, было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 25 тыс. руб.

Следует отметить, что в ходе рассмотрения судом дела об административном правонарушении специалист Департамента был приглашен к участию в целях предоставления суду необходимых заключений и пояснений в пределах своих познаний, в порядке, установленном ст. 25.8 КоАП РФ.

10 апреля 2023 г. по данным нарушениям законодательства главе г. Оренбурга внесено представление, однако меры по устранению выявленных нарушений до настоящего времени не приняты. В связи с чем в Ленинский районный суд г. Оренбурга инициировано направление административного искового заявления о возложении на администрацию г. Оренбурга обязанности скорректировать в сторону уменьшения тарифы на

холодную воду для указанных выше организаций путем исключения из необходимой валовой выручки экономически не обоснованных расходов (налога на прибыль).

Таким образом, именно в результате эффективного взаимодействия с работниками Департамента прокурор смог использовать необходимые специальные знания в сфере установления тарифов при проведении проверок исполнения законов для выявления нарушений законодательства, связанных с экономическими расчетами, отдельными элементами бухгалтерского учета и других.

В результате представляется возможным констатировать, что данный механизм является эффективным также в силу отсутствия специального контролирующего органа в сфере тарифообразования на поднадзорной территории, поскольку, как правило, привлечение ФАС России к проверке конкретного органа местного самоуправления на уровне прокуратуры городского (районного) звена не представляется возможным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров А. Ю. Привлечение прокурором специалиста при проведении проверки исполнения закона // Административное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 16–23.

2. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учебное пособие / коллектив авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮСТИЦИЯ, 2019. 408 с.

УДК: 347.963
EDN IPNPDB

Коряченцова Светлана Игоревна,

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, просп. Литейный 44, Санкт-Петербург, Россия, 191104,
e-mail: sv3833308@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТАРИФОВ НА УСЛУГИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные аспекты проведения проверок исполнения законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также обращено внимание на необходимость сосредоточиться на задачах прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. В статье приведены проблемные вопросы деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства и отмечена важность информационно-аналитической работы органов прокуратуры в данном направлении. В результате исследования обоснована необходимость наладить сбор и анализ информации, обеспечить ее аккумуляцию и использование при планировании деятельности и проведении проверок.

Ключевые слова: прокурорская проверка, прокурор, жилищно-коммунальное хозяйство, тарифы.

Koryachentsova Svetlana Igorevna,

Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, ave. Foundry, 44, St. Petersburg, Russia, 191104,
e-mail: sv3833308@mail.ru

PECULIARITIES OF CONDUCTING AUDIT OF ENFORCEMENT OF LEGISLATION IN THE TARIFF FORMATION FOR SERVICES IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Annotation. This article discusses some aspects of conducting audits of the enforcement of legislation in the field of housing and communal services, and also draws attention to the need to focus on the tasks of prosecutorial supervision in this area. The article studies problematic issues of the activities of housing and communal services enterprises and notes the importance of information and analytical work of the prosecutor's office in this direction. As a result of the study, the need to establish the collection and analysis of information, to ensure its accumulation and use in planning activities and conducting inspections is justified.

Key words: prosecutor's inspection, prosecutor, housing and communal services, tariffs.

Результаты надзорной деятельности прокуроров по-прежнему свидетельствуют о значительном количестве нарушений прав потребителей коммунальных услуг, в

том числе при установлении тарифов и нормативов. В связи с чем вопросам тарифообразования много внимания уделяется со стороны органов

прокуратуры. Здесь имеется в виду, прежде всего, выполнение ресурсоснабжающими организациями производственных, ремонтных и инвестиционных программ, фактическое выполнение работ и несение затрат, которые включаются в тарифы и влияют на их размер, а, следовательно, напрямую касаются «бюджета» каждой семьи.

И как показывают результаты, процесс формирования тарифов оказался вне надлежащего контроля. Так, только после прокурорского вмешательства из тарифов ресурсоснабжающих компаний на 2023 год исключены расходы на общую сумму свыше 5 млрд рублей. Приняты меры для уменьшения тарифных показателей еще на 4 млрд рублей в последующих периодах¹.

Компании нередко предлагают, а органы регулирования принимают затраты на проведение нецелевых мероприятий, на обслуживание и содержание несуществующего оборудования, на ресурсы, никогда не использовавшиеся и не предполагаемые к использованию в производстве, и работы, выполнение которых «произведено только на бумаге» и т. д. Результаты такой формальной и поверхностной работы в отдельных субъектах Федерации не заставили себя долго ждать.

Ярким примером эффективного надзорного мероприятия явилась проверка, проведенная органами прокуратуры Иркутской области. Установлено, что документация теплоснабжающей организации содержала недостоверные сведения о завышенных расходах на приобретение топлива, которые фактически не производились. В результате бюджету Иркутской области причинен ущерб в размере более 23 млн руб.

По результатам их рассмотрения возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее – УК РФ) (мошенничество)².

Органами прокуратуры обеспечивается комплексный подход к проверкам причин роста тарифов, экономической обоснованности всех их составляющих. Практика показывает, что руководителями компаний используются различные схемы завышения тарифов путем наращивания необходимой валовой выручки. Более половины расходов граждан на оплату коммунальных услуг приходится на тепловую энергию. Львиную долю в структуре тарифов на тепло занимают затраты на топливо, соответственно работники прокуратуры при проверках обращают внимание на эту составляющую.

Другой системообразующей отраслью жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) является электроэнергетика. В результате надзорных мероприятий вскрываются факты необоснованного учета региональной энергетической комиссией (далее – РЭК) расходов на оказание управленческих и консультационных услуг, обучения лидерству, бизнес-тренинги, культурно-массовые и спортивные мероприятия, командировки за границу, «дополнительное» страхование и выплату премий руководителям предприятий.

Жилищно-коммунальное хозяйство – это важнейшая отрасль экономики, основанная на имущественных отношениях и объединяющая поставщиков и потребителей коммунальных услуг, обслуживающие организации, предприятия, предоставляющие санитарно-технические услуги, ресурсоснабжающие организации и др. [1, с. 171–175].

Для понимания процесса формирования тарифов необходимо знание проблем, с которыми сталкиваются в своей ежедневной будничной работе ресурсоснабжающие организации и управляющие компании.

¹ После вмешательства прокуроров из тарифов ресурсоснабжающих компаний исключены расходы на общую сумму свыше 5 млрд рублей. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=89664129> (дата обращения: 03.12.2023).

² В Иркутской области по материалам прокуратуры возбуждено уголовное дело о хищении средств регионального бюджета в размере 23 млн рублей. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=90778480> (дата обращения: 04.12.2023).

Первая ситуация связана с порядком реализации Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов¹, в соответствии с которым управляющая компания, которая не вправе отказаться от заключения договора о предоставлении коммунальных услуг и выступая исполнителем коммунальных услуг по отношению к жильцам многоквартирного дома, ответственна за качество предоставляемых коммунальных услуг. Приобретая коммунальную услугу, управляющая компания должна внести плату ресурсоснабжающей организации. Очевидно, что процент возврата в виде платежей населения не является стопроцентным, также не даст стопроцентного результата и работа с должниками [2, с. 76–84]. Возникает вопрос о поиске средств для погашения задолженности перед ресурсоснабжающей организацией.

Наличие задолженности со стороны населения за жилищно-коммунальные услуги, к сожалению, было всегда и продолжает оставаться. Причин к тому несколько: безнаказанность неплательщиков, ежегодный рост тарифов на коммунальные услуги, снижение платежеспособности населения.

Приведенные примеры образования задолженности не исчерпывающие, представляется что применения мер прокурорского реагирования в отношении ресурсоснабжающей организации, имеющей задолженность, необходимо с использованием определенной методики и тактики надзорных мероприятий.

¹ О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами : постановление Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одной из задач для органов прокуратуры является принятие превентивных мер, направленных на недопущение фактов срыва отопительного сезона, надлежащее функционирование объектов топливно-энергетического и коммунального комплекса, в связи с чем вопросам образования и погашения задолженности уделяется особое внимание.

Важно обратить внимание и на наличие задолженности перед ресурсоснабжающей организацией, поскольку задолженность является грубым нарушением лицензионных требований, а именно «наличия у лицензиата признанной им или подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом задолженности перед ресурсоснабжающей организацией в размере, равном или превышающем 2 среднемесячные величины обязательств по оплате по договору ресурсоснабжения, заключенному в целях обеспечения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирном доме коммунальной услуги соответствующего вида и (или) приобретения коммунальных ресурсов, потребляемых при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, независимо от факта последующей оплаты указанной задолженности лицензиатом»².

Для установления признаков административного правонарушения необходимо доказать наличие у лицензиата (управляющей организации) как таковой признанной им или подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом задолженности перед РСО по оплате по соответствующему договору в определенном законодателем размере³.

³ Постановление АС ВСО от 30.03.2021 N Ф02-743/2021 по делу № А33-23964/2020 ; Постановление АС ВСО от 03.02.2021 № Ф02-7213/2020 по делу № А33-8670/2020 ; Постановление АС ЦО от 25.03.2021 № Ф10-524/2021 по делу № А84-230/2020. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, при проведении прокурорской проверки при наличии сведений о задолженности ресурсоснабжающей организации невозможно не обратить внимание на такие вопросы как:

- выявление фактов фиктивного выполнения работ по государственным и муниципальным контрактам в сфере ЖКХ;
- факты банкротства организации ЖКХ, в обязательном порядке необходимо проверять на предмет возможного наличия в действиях руководства признаков преднамеренности, большинстве случаев банкротство вызвано противоправной деятельностью определенного круга лиц.

Третье, необходимо уделять пристальное внимание вопросам предоставления муниципалитетами субсидий организациям ЖКХ. Зачастую такие организации тесно связаны с должностными лицами органов местного самоуправления и под видом субсидий происходит незаконный вывод бюджетных средств. Фактически единственным бесспорным основанием предоставления субсидий является возмещение межтарифной разницы между экономически обоснованными тарифами и размером платы граждан за коммунальные услуги, установленным муниципальными правовыми актами.

Иные факты предоставления бюджетных средств организациям ЖКХ, которым и так на основании тарифных решений предоставляется финансовый источник, покрывающий расходы, сомнительны как в правовом, так и в экономическом плане. В связи с изложенным, при выявлении фактов предоставления таких субсидий организациям ЖКХ без достаточных правовых оснований необходимо рассматривать вопрос об ответственности виновных должностных лиц таких муниципалитетов по ст. ст. 285, 285.1 и 286 УК РФ.

Резюмируя изложенного, отметим, что для своевременного выявления и предупреждения нарушений в указанной сфере в прокуратуре необходимо наладить сбор и анализ информации, обеспечить ее аккумулирование и использование при планировании деятельности и проведении проверок.

Так, для достижения задач прокурорского надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства необходимо обладать актуальной информацией о перечне действующих на поднадзорной территории управляющих и ресурсоснабжающих компаний, расчетно-кассовых центров, о задолженности перед ресурсоснабжающими организациями, о кредиторской и дебиторской задолженности управляющих компаний за поставленные коммунальные ресурсы, об установленных тарифах, используемых для осуществления расчетов за поставленные ресурсы, об утвержденных и реализуемых производственных и инвестиционных программах, об оснащении многоквартирных жилых домов, иных объектов коллективными, индивидуальными приборами учета, о подготовке и готовности объектов жилого фонда и иных учреждений и организаций к предстоящему отопительному периоду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеева Ю. С. Основные проблемы в деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения // Лучшая студенческая статья 2017 : сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса : в 2 частях, Пенза, 25 мая 2017 года. Часть 2. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. С. 171–175.
2. Шахова Е. С. Ретроспективный анализ института оплаты за жилищные и коммунальные услуги: практический аспект в условиях пандемии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 76–84.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.9
EDN LGLQAH

Отческая Татьяна Ивановна,

заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор,
ул. Садовая-Кудринская, 9, г. Москва, Россия, 123242,
e-mail: tiotcheskaya@msal.ru

**ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА
В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. В статье автор исследует отдельные вопросы реализации прокурорами полномочий, предоставленных арбитражным процессуальным законодательством, по защите прав и интересов государства в экономических спорах.

С позиции системного анализа практики осуществления прокурорского надзора автор, применяя общенаучные методы и формально-юридический метод, проводит типизацию случаев, когда органы прокуратуры представляют интересы в Российской Федерации: при неисполнении или ненадлежащем исполнении государственных контрактов на поставку товаров, работ и услуг для публичных нужд, при незаконном и недобросовестном изъятии государственного имущества и при содержании государственного имущества, предназначенного для обеспечения публичных (общественных) интересов.

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что судебная практика, в целом, поддерживает практику органов прокуратуры, в том числе по делам, связанным с крупными экономическими объектами – предприятиями.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, публичная собственность, государственный контракт, арбитражное судопроизводство.

Otcheskaya Tatiana Ivanovna,

Head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, Russia, 123242,
e-mail: tiotcheskaya@msal.ru

**PROTECTION OF ECONOMIC INTERESTS OF STATE
IN ARBITRATION PROCEEDINGS**

Annotation. In the article the author explores certain issues of the implementation by prosecutors of the powers granted by the arbitration procedural legislation to protect the rights and interests of the state in economic disputes.

From the standpoint of a systematic analysis of the practice of prosecutorial supervision the author, using general scientific methods and the formal legal method, typifies cases when the prosecutor's office represents interests in the Russian Federation: in case of non-fulfillment or improper execution of public contracts for the supply of goods, works and services for public needs,

in case of illegal and unfair seizure of state property and maintenance state property intended to ensure public interests.

As a result of the research the author comes to the conclusion that judicial practice, in general, supports the practice of the prosecutor's office, including in cases related to large economic objects – enterprises.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, public property, state contract, arbitration proceedings.

Вопросы участия прокурора в рассмотрении экономических споров в арбитражных судах являются предметом многочисленных юридических форумов [1 ; 2], активно обсуждаются в юридической литературе [3 ; 4 ; 5 ; 6 ; 7 ; 8], в научных трудах ученых [9 ; 10] и среди практиков¹.

Это является подтверждением ранее высказанных слов автора настоящего исследования о том, что «в жизни любого государства ключевую роль играет экономика. От уровня ее развития зависят не только национальная безопасность, но и стабильность развития государства, должный уровень жизни населения, состояние социальной сферы» [11, с. 47].

Еще в 2003 г. автор настоящей статьи говорил о необходимости расширения оснований и категории дел, по которым прокурор вправе вступить в арбитражный процесс на любой стадии; отстаивал позицию о законодательном закреплении понятия «публичного интереса», в защиту которого прокурор может обратиться с иском в арбитражный суд; логичным считал предоставление прокурору в арбитражном судопроизводстве более широких возможностей в отстаивании его позиции по делам, где им предъявлен иск, вступать в начатый процесс на любой стадии вне зависимости от предъявления иска как по собственной инициативе, так и по инициативе суда [9, с. 15–16].

За эти годы продвижение законодателя по этому вопросу можно считать

значительным, если посмотреть на новую редакцию ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации².

Судебная практика подтверждает активную позицию прокуроров по делам о неисполнении или ненадлежащем исполнении государственного контракта.

Так, прокуратура г. Москвы в интересах публично-правового образования в лице уполномоченного органа Российской Федерации – УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве обратилась с иском о взыскании ущерба к ООО «ВолгаСервисПродукт» за невыполнение государственного контракта на поставку заказчику полнорационного сухого корма для служебных собак в количестве и ассортименте, указанном в спецификации к контракту.

Суд, исследовав материалы дела, представленные сторонами доказательства, проанализировав нормы права, изложенные в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ, ст. ст. 15, 309, 310, 393, 524, 526 ГК РФ, приняв во внимание п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», пришел к выводу об обоснованности требований истца, их документальном подтверждении. Таким образом, суд принял решение об удовлетворении исковых требований

¹ О реализации прокурорами полномочий по обращению в суды с исковыми заявлениями о взыскании ущерба, причиненного государству», проведенного в Московской межрегиональной транспортной прокуратуре 08.12.2022 : материалы Межведомственного учебно-методического семинара.

² О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07 октября 2022 г. № 387-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокурора о взыскании с ООО «ВолгаСервисПродукт» в пользу Российской Федерации в лице УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве 404 854 руб. 54 коп. в качестве возмещения ущерба за неисполнение государственного контракта от 27.01.2020 № 20201881000020007712037564/зэл¹.

Составной частью публичных интересов в сфере экономики является имущество публично-правовых образований. Прокуратура при этом является государственным надзорным органом, который наделен полномочиями по производству прокурорских проверок по этому вопросу, предъявлению исков об истребовании государственного имущества из чужого незаконного владения; обращению в суды с исками о признании недействительными сделок по отчуждению государственного имущества.

Не случайно на совещании по экономическим вопросам Президент нашей страны В. В. Путин подчеркнул, что работу по обеспечению устойчивого развития экономики приходится выстраивать с учетом непростых внешних условий: сложной глобальной конъюнктуры и санкционного давления западных государств².

Стабильное функционирование крупных предприятий страны, использование ими по назначению крупных имущественных комплексов, оказывает положительное влияние на экономику нашего государства.

Примером эффективной работы прокуратуры Российской Федерации в защиту экономических интересов Российской Федерации является дело по обращению Генеральной прокуратуры Российской Федерации с иском в арбитражный суд об истребовании в пользу государства 89,5 % акций, принадлежащих 4-м акционерам – физическим лицам

АО «Соликамский магниевый завод» в результате проведения в 1992-1996 гг. приватизации завода с нарушением действовавшего в тот период законодательства, что повлекло выбытие государственного имущества из собственности Российской Федерации и находилось в чужом незаконном владении. Иск прокуратуры удовлетворен Арбитражным судом Пермского края. Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2022 г. состоявшееся по данному делу решение оставлено без изменения.

Важно отметить, что прокуроры выявляют нецелевое использование некоторых стратегически важных для общества и государства имущественных комплексов.

В частности, к числу таких объектов относятся убежища, т. е. защитные сооружения гражданской обороны – обязательная составляющая инфраструктуры любого крупного города. Указанные объекты содержат и обслуживают независимо от того, существует ли какая-либо текущая угроза населению.

Однако некоторые убежища были незаконно приватизированы в 90-е годы XX века и на сегодняшний день используются и содержатся в ненадлежащем состоянии незаконными владельцами. Так, в феврале 2020 г. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ признала право собственности Российской Федерации на приватизированное в 1990-е гг. бомбоубежище. Суд пришел к выводу, что объект, который в силу закона не мог перейти в частную собственность, не выбывал из владения РФ, а значит, нормы об исковой давности в данном случае не применимы³.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 6 сент. 2022 г. по делу № А40-192634/22-48-1521. URL: <http://ww.msk.arbitr.ru> (дата обращения: 01.10.2023).

² Путин заявил, что санкции против России во многом провоцируют глобальный кризис. URL:

<https://tass.ru/ekonomika/14607013> (дата обращения: 18.12.2022).

³ ВС пояснил, в каких случаях Россия продолжает владеть приватизированным имуществом. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-poyasnil-v-kakikh-sluchayakh-rossiya-prodolzhaet-vladet->

Следующий пример прокурорской практики подтверждает актуальность обращения прокуроров сегодня к озвучиваемым проблемам.

Так, прокурор Центрального административного округа города Москвы обратился в Мещанский районный суд города Москвы к АО «СОГАЗ» с требованием привести убежище в Уланском переулке в режим защитного сооружения гражданской обороны¹.

Из требований прокурора следовало, что страховая компания длительное время не выполняла в полном объёме требования законодательства о гражданской обороне и антитеррористической защищенности при содержании и использовании защитных сооружений гражданской обороны. Сотрудники РОНПР Управления по ЦАО ГУ МЧС России по городу Москве, в свою очередь, более 6 лет направляли директору предписания, которые не выполнялись.

В результате вмешательства прокурора суд обязал АО «СОГАЗ» при эксплуатации защитных сооружений устранить нарушения нормативных правовых актов Российской Федерации о гражданской обороне.

Изложенное подтверждает безграничные возможности по обеспечению прокурорами защиты экономических интересов государства в арбитражном судопроизводстве. Прокурор в указанных случаях выступает представителем государства, уполномоченным на защиту его интересов в арбитражном судопроизводстве. Постепенное расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе путем расширения перечня оснований, по которым он может обратиться в суд с исковым заявлением в интересах Российской Федерации, можно признать безусловной правильной тенденцией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

privatizirovannym-imushchestvom/ (дата обращения: 19.11.2022).

¹ Прокуратура обязала «СОГАЗ» привести защитное сооружение в состояние готовности. URL:

1. Отческая Т. И. Роль прокуратуры и суда в устранении нарушений законности в экономике. Москва : Проспект, 2018. 165 с.

2. Отческая Т. И. Практика реализации судами и прокуратурой требований закона о защите прав участников экономической деятельности. Москва : РГ-Пресс, 2018. 208 с.

3. Руденко Н. В. Прокурор в арбитражном процессе: аспекты прошлого и настоящего // Арбитражный и гражданский процесс. 1999. № 1. С. 29–32.

4. Изотова Л. Н. Отдельные процессуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 11–15.

5. Рожков А. Ю. Необходимость и целесообразность участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-i-tselesoobraznost-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 18.12.2022).

6. Белоусова Е. А. Защита публично-правовых интересов в арбитражных судах прокурором // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 58–61.

7. Ковалев А. А. Защита прокурором публичных интересов в арбитражном процессе // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 67–70.

8. Ергашев Е. Р., Панкова А. А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 53–60.

9. Отческая Т. И. Правовые и методологические проблемы организации участия прокурора в арбитражном суде в защиту экономических интересов Российского государства (по законодательству Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. 48 с.

<https://www.asn-news.ru/news/80770>

(дата обращения: 19.11.2022).

10. Ефремов Н. С. Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 27 с.

11. Отческая Т. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением

законодательства о защите прав предпринимателей // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1. (181). С. 45–53.

УДК 347
EDN NERMET

Рудых Светлана Николаевна,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент,
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: rudsvet@mail.ru

Дондоков Жаргал Дармаевич,

научный сотрудник Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, аспирант Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева,
ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137,
e-mail: dondokovzhargal@mail.ru

О СИСТЕМЕ ЧАСТНОГО ПРАВА: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Аннотация. В статье авторы исследуют вопросы формирования системы частного права в России в их как историческом, так и в перспективном аспекте.

Применяя историко-сравнительный метод научного исследования, авторы анализируют процесс становления и развития частного права в российской правовой системе. В частности, авторы утверждают, что изначально гражданское, семейное, трудовое и международное частное право развиваются как единая отрасль отечественного права, основой которой служат принципы свободы, равенства и справедливости. Позднее, с закономерным усложнением общественных отношений, наблюдается тенденция к сепарации от корпуса единого гражданского права его подотраслей. Это отражается как на системе законодательства, так и на системе изучения частного права.

Научная ценность настоящей работы заключается в том, что на основе результатов проведенного анализа авторы приходят к выводу о необходимости унификации частноправовых отраслей юридической науки путем формирования единых основ частного права, в том числе на уровне предмета, принципов и методов регулирования общественных отношений, входящих в его предмет.

Ключевые слова: частное право, публичное право, дуализм права, гражданское право, равенство, свобода, справедливость.

Rudykh Svetlana Nikolaevna,

Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD, Associate Professor, Shevtsova str., 1, Irkutsk, Russia, 664035,
e-mail: rudsvet@mail.ru

Dondokov Zhargal Darmaevich,

Research Associate of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD student of Ural State Law University named by Pr. Veniamin Yakovlev,
Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137,
e-mail: dondokovzhargal@mail.ru

ABOUT PRIVATE LAW SYSTEM: FROM THE PAST TO THE FUTURE

Annotation. In the article the authors explored the issues of the formation of the private law system in Russia in their historical and perspective aspects.

Applying the historical and comparative method of scientific research, the authors analyzed the process of formation and development of private law in the Russian legal system. In particular, the authors argued that initially civil, family, labor and international private law were developing as a single branch of the private law, based on the principles of liberty, equality and justice. Later with the natural complication of public relations there was a tendency to separate its sub-sectors from the corpus of unified civil law. It is reflected both in the system of legislation and in the system of studying private law.

The scientific value of the work lies in the fact that, based on the results of the analysis, the authors conclude that it is necessary to unify the private law branches of legal science by forming common foundations of private law, including at the level of the subject, principles and methods of regulating social relations included in its subject.

Keywords: private law, public law, dualism of law, civil law, equality, liberty, justice.

С самого начала своего развития частное право отражает основные гуманистические ценности общества, одновременно оформляя экономические отношения между людьми на основе принципов справедливости, свободы и равенства. Данные принципы выступают своего рода ориентиром не только при разрешении конкретных частноправовых споров, но и при нормативном регулировании соответствующих отношений. Идеи частного права лежат в основе общечеловеческой морали и правил общежития, отражают стандарты правильного, разумного и мудрого поведения людей не только относительно материальных и нематериальных благ, но и по отношению друг к другу.

Конец XX века ознаменован переходом российской экономики с централизованной социалистической государственной к свободной конкурентной. Это повлекло необходимость построения системы частного права, отвечающей современным условиям экономической жизни, на основе фундаментальных цивилистических воззрений. Указанные процессы продолжают, что предопределяет неугасимую актуальность темы настоящего исследования. Справедливости ради, стоит сказать, что таким явлениям социальной

жизни как право, в целом, присуще постоянное развитие, невозможно сконструировать окончательное «идеальное» право. Это обуславливается непрерывным экстенсивным изменением общественных отношений. В связи с изложенным, полагаем важным обратиться к исследованию вопроса о системе частного права как в ее историческом разрезе, так и в призме перспективных направлений ее развития.

Как известно, термин «частное право» имеет своим генезисом римское частное право, нашедшее свое материальное воплощение в кодификации законов CORPUS JURIS CIVILIS. Экономические отношения существовали с момента формирования малых социумов и становления общественных отношений, вместе с тем именно древнеримские юристы создали единую и стройную систему их правового регулирования. Уже к концу эпохи Римской республики формируются две основные сферы права: частное и публичное [1, с. 42–43]. Хотя, стоит сказать, что в научной литературе имеются небезосновательные предположения, что указанное деление относится не к собственно системе римского права, а к процессу ее изучения [2, с. 166]. Не углубляясь в дискуссию

относительно данного вопроса, отметим лишь, что приведенное в Титуле I Кодекса Юстиниана выражение: «Publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat, Privatum quod ad singulorum utilitatem: sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim» [3, с. 82], послужило началом основополагающих научных споров относительно природы частного права. Нельзя, по нашему мнению, отрицать значение дуализма права не только в процессе его изучения, но и в процессе конструирования правовой системы.

Основываясь на этом, можно сказать, что римское частное право представляло собой структурированную систему правовых норм, строящихся, главным образом, вокруг частной или индивидуальной собственности. Это послужило фундаментом незыблемых положений о гражданских правах личности, в том числе на неприкосновенность ее частной собственности. Данная система подвергалась активному не только временному, в частности, в результате работы средневековых глоссаторов, но и территориальному влиянию в форме воздействия условно обобщенного германского и норманского варварского права.

С момента рецепции римского частного права в большинство развитых европейских правовых систем, наиболее важную веху развития которых составляет принятие *Bürgerliches Gesetzbuch* и *Code civil*, начинается постепенное развитие науки гражданского права, а затем и законодательства. Не исключением стала и российская правовая система. В указанный период частное право полностью отождествлялось с гражданским правом, в рамках которого в качестве подотрасли права выделено семейное право и регулируются условно трудовые отношения, основанные на договоре найма рабочей силы. Это показывает единство их природной правовой связи, их происхождения и значения для развития

общественных отношений на основе пандектной системы права [4, с. 95].

С приходом социалистических идей равенства граждан и с закреплением в Основных законах советского государства принципов свободы труда и отдыха формируется особая отрасль российского права – трудовая, которая в анализируемое время представляет собой, скорее, публично-правовую отрасль права, призванную гарантировать права граждан на нормированный рабочий труд и отдых. Однако расширение публично-правового императивного метода правового регулирования не означает полное поглощение сферой публичного права трудовых отношений, изначально построенных на принципах компромисса (соглашения) и равноправия сторон. В связи с тем, что сторона работника выступает несколько «слабой» по отношению к работодателю стороной в трудовом правоотношении, правопорядок уравнивает их права и обязанности в целях обеспечения баланса их интересов и возможностей влиять на развитие правоотношений.

Одновременно с этим стоит добавить, что сфера частного права в указанный период времени значительно сузилась, хоть и не исчезла полностью. Это объясняется во многом нормативным признанием исключительности права собственности государства на средства производства как наиболее широкой области советского гражданского права с сохранением некоторых частных прав собственности граждан и отдельных юридических лиц. Вместе с тем и в условиях централизации экономики правовое регулирование соответствующих отношений происходит с применением частноправовых механизмов, в том числе путем признания самостоятельными юридическими лицами государственных учреждений и предприятий, вступающих между собой в равноправные имущественные отношения. Причина данного явления видится в

сохранении эквивалентно-возмездных черт экономических отношений.

Инициированная многими социально-экономическими процессами начала и середины XX века глобализация привела к распространению частноправовых положений за пределы одного правопорядка, в связи с чем постепенно формируется международное частное право как подотрасль гражданского права. На сегодняшний день указанные процессы не ослабевают, а даже ускоряются, с развитием и расширением логистики товары, работы и услуги стремительно оборачиваются по мировой экономике. Международное частное право в указанном аспекте представляет собой регулирование имущественных и личных неимущественных, но связанных с имуществом, отношений с иностранным элементом, что и есть усложнение состава гражданского правоотношения.

На сегодняшний день все из рассмотренных нормативных правовых образований формируют единую сферу частного права, строящуюся на принципах, изложенных в начале настоящей работы. Однако практическая и нормативная реализация таких принципов и основ обобщенного частного права, а также обоснование единых методов правового регулирования общественных отношений, являющихся предметом частного права, представляется актуальной проблемой цивилистической науки. К ней добавляется проблема перспектив интеграции частного материального и процессуального права для приведения в соответствие норм материального права к возможностям по их процессуальному применению.

Разрешение приведенных проблем означает очерчивание границ частноправового регулирования, что будет являться общим вектором развития не только цивилистической науки, но и законодательства в целом. Так, на основе данных рассуждений разрешаются вопросы соотношения гражданского и земельного, гражданского и лесного, гражданского и

жилищного законодательства, грамотное сопоставление которых является неразрешенной задачей современного законодательства. На уровне науки частного права это влияет на характеристику ее предмета: норм и институтов, источников, юридической техники, опыта правоприменения, правоотношений и юридических фактов [5, с. 308].

Как можно заметить, разрешение данных вопросов невозможно без определения существа дихотомии частного и публичного права. Дело в том, что гражданское право, составляющее существо частного права, стоит на более свободных принципах, нежели семейное, трудовое, земельное, жилищное право, которые менее диспозитивны в применимых средствах и способах правового регулирования. Это объясняется публичным интересом в защите прав и интересов лиц или всего общества, государства [5, с. 312–313]. Однако, нельзя сказать, что степень применимости диспозитивных методов правового регулирования превращает подотрасли частного права в особые смешанные или комплексные нормативные образования, поскольку ограничение частной свободы объясняется необходимостью приведения в состояние формального равенства участников правоотношений, которые изначально фактически в существующих общественных отношениях не равны. Это обуславливается, как справедливо утверждает О. А. Красавчиков, тем, что диспозитивность в гражданском праве имеет свои социально-экономические объективные основы и социальное содержание [6, с. 42]. Не случайными полагаем исследования проблемы дуализма права как отправной точки изучения науки гражданского права в большинстве классических работ цивилистов.

Отмеченные процессы влияют и на изучение частного права как специализации, в том числе в рамках подготовки научных и научно-

педагогических кадров высшей квалификации. Так, 24 февраля 2021 года приказом Министерства науки и высшего образования РФ № 118 утверждены обновленные номенклатуры научных специальностей, среди которых путем укрупнения соответствующих направлений образовано одно 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», что отвечает отмеченной тенденции развития частного права.

Таким образом, полагаем необходимым обозначить общие тенденции развития частного права в российской правовой системе. Думается, что как гражданское, международное частное, так и семейное, трудовое и процессуальное право должны лежать на фундаменте общих принципов, среди которых можно выделить свободу, справедливость и равенство сторон частных правоотношений, а также их презюмируемую добросовестность. Дальнейшее размышление позволяет конструировать и единый метод правового регулирования. Ключевую часть последнего должен составлять диспозитивный метод, основными чертами которого являются правонаделение, правовая инициатива, юридическое равенство субъектов [7, с. 69]. Это позволит привести, с нашей точки зрения, к большей унификации частного права и устранению неразрешенных до сегодня проблем, связанных с взаимодействием подотраслей частного права, «сведению» частного материального и процессуального права.

В заключение, полагаем необходимым напомнить слова В. Ф. Яковлева: «Вообще право эффективно лишь постольку, поскольку оно действует как единое целое во взаимодействии всех или нескольких его отраслей» [8, с. 9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут, 2020. 351 с.
2. Богдан В. В., Манукян А. Р., Алымов А. А. К вопросу о системе права: проблемы конвергенции частного и публичного права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 165–170.
3. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 2 т. Т. 1. Москва : Статут, 2008. 584 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.). В 2 т. Т. 1. Москва : Статут, 2021. 838 с.
5. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2 т. Т. 1. Москва : Статут, 2023. 500 с.
6. Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 41–49.
7. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Москва : Статут, 2006. 240 с.
8. Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 5–9.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 343.13
EDN NTWCER

Гаврилов Борис Яковлевич,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, г. Москва, Россия, 125171, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

ИНСТИТУТ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ГЕНЕЗИС, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривая актуальные проблемы современного досудебного уголовного производства, автор обращается к институту предварительного расследования уголовных дел в упрощенных (сокращенных) формах, учитывая в том числе опыт российского законодательства. Принятие Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был включен институт дознания в сокращенной форме, было призвано оказать положительное влияние на сокращение процессуальных сроков расследования по уголовным делам, по которым обстоятельства совершенного преступления очевидны и не требуется проведение всего комплекса следственных действий для доказывания обстоятельств совершенного преступления. Однако результаты применения дознания в сокращенной форме показали его неэффективность, что отразилось в том числе и на сокращении количества расследованных уголовных дел в форме сокращенного дознания (со 105 тыс. направленных в суд уголовных дел в 2017 г. до 75 тыс. уголовных дел в 2022 г.).

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, уголовно-процессуальное законодательство, предварительное расследование.

Gavrilov Boris Yakovlevich,

professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Worker Sciences of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh, 8, Moscow, Russia, 125171, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

INSTITUTE OF INQUIRY IN ABBREVIATED FORM: GENESIS, CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Annotation. Considering the actual problems of modern pre-trial criminal proceedings, the author refers to the institute of preliminary investigation of criminal cases in simplified (abbreviated) forms, taking into account, among other things, the experience of Russian legislation. The adoption of Federal Law No. 23-FZ of 04.03.2013, which included the institute of inquiry in an abbreviated form in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, was intended to have a positive impact on reducing the procedural time of investigation in criminal cases in which the circumstances of the committed crime are obvious and it is not required to conduct the entire complex of investigative actions to prove the circumstances of the committed crime. However, the results of the

use of the inquiry in an abbreviated form showed its inefficiency, which was reflected, among other things, in the reduction in the number of criminal cases investigated in the form of an abbreviated inquiry (from 105 thousand criminal cases sent to court in 2017 to 75 thousand criminal cases in 2022).

Key words: inquiry in abbreviated form, criminal procedure legislation, preliminary investigation.

Одной из причин разработки и принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» явилось то обстоятельство, что дознание по уголовным делам, отнесенным к подследственности органов дознания, по истечении 10 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) фактически мало чем отличалось от процессуального порядка производства предварительного следствия. Как следствие сложившегося положения в срок, свыше предусмотренного УПК РФ, сегодня органами дознания завершается расследование по 35% уголовных дел, а в целом срок производства дознания и последующего судебного разбирательства составляет порядка трех месяцев, что обуславливает значительные финансовые затраты государства на данную сферу деятельности.

При этом учитывалось, что производство расследования по уголовным делам в упрощённой форме имеет весьма значительную историю. Её сущность заключается в том, что в УПК РСФСР существовала и положительно зарекомендовала себя так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов, истоки которой были заложены в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР». Её положения провозгласили допустимость дифференцированного подхода к расследованию преступлений, обстоятельства совершения которых

очевидны (например, лицо задержано с поличным на месте преступления) и не требуется всего комплекса следственных действий для доказывания обстоятельств преступления. По данной форме расследования в суд в 1995-1996 гг. ежегодно направлялось до 200-250 тыс. материалов.

Однако при принятии УПК РФ законодатель был вынужден отказаться от данной формы расследования, поскольку протокольная форма досудебной подготовки материалов до их направления в суд не предусматривала участников уголовного процесса: подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и т. д., что не соответствовало концепции досудебного уголовного производства, учитывая необходимость реализации конституционных установлений в части обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлечённых в сферу уголовного процесса.

Это обусловило попытку законодателя при разработке УПК РФ создать более упрощённую по сравнению с предварительным следствием форму расследования преступлений небольшой и средней тяжести, не представляющих сложности для расследования. Предложенной формой расследования выступило дознание, предусматривающее сокращённый относительно следствия срок расследования; из расследования в форме дознания был исключен классический институт предъявления обвинения, а также ограничен перечень обязательных судебных экспертиз. Однако правоприменительная практика «потребовала» увеличение срока дознания до 6 месяцев, а в исключительных случаях – до 12 месяцев.

Указанную проблему длительности расследования законодатель попытался разрешить путём введения дознания в сокращённой форме (глава 32¹ УПК РФ), предусматривающей срок расследования до 15 суток с возможностью его продления прокурором ещё на 5 суток. В качестве доказательств могут быть допущены объяснения, заключение специалиста, что предусмотрено ст. 226⁵ УПК РФ.

Однако, введение данного процессуального института не способствовало сокращению объемов процессуальной деятельности и сроков расследования. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что «содержание» уголовных дел и их объем идентичен материалам расследования в форме обычного дознания (Глава 32 УПК РФ) и даже превышает его, в том числе, по причине необходимости подготовки дознавателем еще двух процессуальных документов. Сегодня на практике в ходе проверки сообщения о преступлении активно используется производство таких следственных действий, как исследование и назначение и производство экспертизы, на что до возбуждения уголовного дела затрачивается дополнительно срок от 30 суток и более.

Таким образом, достижение цели введения дознания в сокращенной форме оказалось практически невозможным в силу институциональных недостатков данной формы расследования. Одна из причин заключалась в том, что упрощению досудебного производства сегодня препятствует то обстоятельство, что дознание в сокращенной форме возможно исключительно после возбуждения уголовного дела. Это соответственно препятствует своевременному принятию решения о начале расследования и значительно усложняет первоначальную стадию уголовного судопроизводства, отодвигая тем самым процесс расследования в форме сокращенного дознания от момента обращения

потерпевшего за защитой своего нарушенного права.

О масштабах устойчивости указанной негативной практики свидетельствуют и обращения в Конституционный Суд Российской Федерации граждан на нарушения сроков расследования, последствием чего стало признание последним несоответствующим Конституции Российской Федерации ч. 3 ст. 6¹ УПК РФ, не учитывающей при определении разумного срока уголовного судопроизводства период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела. Из чего следует, что упрощение досудебного производства не может быть достигнуто, если сокращенной форме расследования предшествуют неограниченные временными рамками сроки проверки заявления, сообщения о преступлении (в отдельных случаях этот период составляет несколько месяцев, например, в случае отказа в возбуждении уголовного дела и его отмене).

При оценке обоснованности введения дознания в сокращенной форме следует также учитывать мнения ученых и правоприменителей, которыми появление нового института было воспринято неоднозначно, а в ряде случаев и критично.

Так, О. В. Качалова считает, что при производстве дознания в сокращенной форме в должной мере не происходит обеспечения прав и законных интересов не только участников производства, но и государства и общества в целом. Отказ от полноценного доказывания она приравнивает к некоему отступлению от норм Конституции Российской Федерации [1, с. 145]. В определенной степени вышеизложенные воззрения поддерживает и А. П. Кругликов [2, с. 33–37]. В свою очередь, А. А. Сумин [3, с. 5–8] убежден в том, что предпосылок для дознания в сокращенной форме и совсем не было, а Н. М. Хромова [4, с. 59] приходит к мнению, что Россия еще «не созрела» для введения сокращенной формы уголовного

судопроизводства. В связи с этим достаточно обоснованной представляется позиция О. В. и Г. П. Химичевых, что каждое из вновь введенных особых производств имеет, прежде всего, недостатки в правовой регламентации, препятствующие эффективному применению и влекущие за собой зачастую нарушение прав лиц, вовлеченных в судопроизводство [5, с.34].

Вместе с тем, среди ученых имеются и сторонники дифференциации процессуальной формы [6, с. 21 ; 7, с. 51–57 ; 8, с. 47–53]. Позитивно к упрощению формы расследования по преступлениям, которые очевидны и не представляют сложности в доказывании относится, профессор С. И. Гирько, исследовавший проблемы дознания в своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук и ряде других работ [7, с. 51–57 ; 9]. О том, что дознание в сокращенной форме более эффективно для защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, отмечает и Д. Р. Гимазетдинов [10, с. 16]. Дополнительным аргументом в пользу сокращенного дознания Б. Я. Гаврилов видит то, что его введение в УПК РФ создает дополнительные гарантии реализации нормы-принципа, предусмотренного ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» [11, с. 22–28].

Среди представителей научной общественности имеются и те, кто занял нейтральную позицию [12, с. 28].

Что касается правоприменительной практики, то за 10 лет функционирования дознания в сокращенной форме правоприменителем, к сожалению, так и не найден общий знаменатель в применении положений главы 32¹ УПК РФ, несмотря на рост числа уголовных дел, расследованных дознавателями в первые годы действия данного института, что приведено на гистограмме 3.

Гистограмма 3.

Динамика уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания за период 2013-2022 гг. (к общему количеству окончанных дознавателями дел).

С учетом изложенного формулируется вывод о том, что задача повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания до настоящего времени не решена ввиду определенных причин. К их числу следует отнести и недостатки в правовом регулировании, проявляющиеся в процессе применения отдельных норм главы 32¹ УПК РФ. Справедливо и замечание ряда исследователей о том, что в действующем алгоритме производства дознания в сокращенной форме отсутствует логическая последовательность и он достаточно сложен [13, с. 9–14].

При оценке эффективности института дознания в сокращенной форме автор

статьи использует ряд критериев её эффективности. К ним относятся:

– *оптимальность и рациональность.*

Деятельность каждого дознавателя или иного должностного лица органа дознания, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность, должна быть направлена на защиту прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу действия уголовно-процессуальных правоотношений, а не на достижение показателей, что фактически имело место в первые годы действия сокращенного дознания;

– *соразмерность имеющихся средств.*

Достижение целей в каждом конкретном случае требует использования определенного объема имеющихся средств. Чем очевиднее и проще уголовно-правовая ситуация, тем меньше усилий необходимо приложить для ее разрешения и тем самым сэкономить ресурсы и время как должностных лиц органа дознания, так и граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Совершенно справедливо замечание, что для разбирательства дел о преступлениях различной степени тяжести и сложности вполне допустимы соразмерные процедуры. Разбирать дело о преступлении, не обладающем значительной степенью его тяжести и совершенном в условиях очевидности человеком, добровольно и искренне признающим свою вину, – это все равно что «стрелять из пушки по воробьям» [14];

– *разумность сроков.* Расследование призвано обеспечить гарантии участников уголовного процесса и быстроту производства по уголовным делам и тем самым обеспечить конституционное право на доступ к правосудию. О важности быстроты уголовного судопроизводства для решения возложенных на него задач, которая признавалась в различные периоды развития уголовно-процессуальной мысли, даже несмотря на то, что сами эти задачи менялись порой кардинальным образом

обращают внимание Е. Н. Клещина и А. С. Архипов [15, с. 3].

Вместе с тем, для аргументации введения в УПК РФ взамен существующей главы 32¹ иного процессуального порядка необходимо провести анализ правового регулирования дознания в сокращенной форме с точки зрения как предложенных критериев эффективности, так и обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства. Переходя непосредственно к данному анализу, следует выделить ряд следующих факторов, характеризующих дознание в сокращенной форме.

Первое, решающим фактором для принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме является соответствующее ходатайство подозреваемого. Однако отношение законодателя к заявленному подозреваемым ходатайству как к безусловному основанию начала такого производства не является бесспорным. В этой части ряд ученых [13, с. 9–14] считает, что такое ходатайство целесообразнее рассматривать как повод. В силу чего, указанное ходатайство подозреваемого обязывает дознавателя принять решение о производстве дознания в общем порядке или в сокращенной форме и при отсутствии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме, дознаватель выносит постановление о его удовлетворении и производстве дознания в сокращенной форме, срок которого не должен превышать 15 суток и его продление прокурором ещё до пяти суток. Однако исчисление указанного срока начинается не с момента возбуждения уголовного дела, а со дня вынесения дознавателем постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Отсюда справедливо замечание Ю. В. Францифорова о том, что уменьшение срока производства дознания в сокращенной форме, заявленное законодателем, на практике не совсем соответствует действительности

[16, с. 149]. Но основной недостаток, по нашему мнению, в том, что законодатель не установил, в какой период должно быть принято указанное решение, на что обращает внимание и Л. Г. Татьяна [17, с. 129].

Так, анализ изучения материалов архивных уголовных дел, расследованных в форме сокращенного дознания показал, что со времени регистрации заявления (сообщения) о преступлении и до момента вынесения судом по уголовному делу итогового решения проходит в среднем 2–3 месяца, а в ряде случаев этот срок доходит и до 5–6 месяцев. Так, уголовное дело № 11901560046000227 было возбуждено 12 апреля 2019 г. по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ дознавателем отдела полиции № 4 Управления МВД России по г. Пензе в отношении М. по факту причинения легкого вреда здоровью гражданке Н. С момента регистрации сообщения о преступлении и до принятия дознавателем решения о возбуждении уголовного дела прошло 38 суток, поскольку по данному факту неоднократно выносилось процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Почти через месяц после начала расследования 9 мая 2019 г. дознавателем в связи с заявлением подозреваемым М. ходатайства вынесено процессуальное решение о его удовлетворении и производстве дознания в сокращенной форме. 12 мая 2019 г. указанное уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, вместе с обвинительным постановлением направлено прокурору Первомайского района г. Пензы. Судебное разбирательство по уголовному делу завершилось 11 июня 2019 г. примирением сторон¹. Таким образом, с момента регистрации заявления о преступлении и до момента вынесения судебного решения прошло более 3 месяцев.

В этой связи справедливым видится замечание Г. Б. Петровой о том, что для обеспечения реального, а не «мифического», как по приведенному выше уголовному делу, влияния процессуальных сроков на эффективность уголовно-процессуальной деятельности при производстве дознания законодателю необходимо в нормах права зафиксировать промежутки времени, которые бы соответствовали объему работы, выполняемому дознавателем в течение указанного времени» [18, с. 115].

Второе. К числу недостатков в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме относится и положение ч. 3 ст. 226³ УПК РФ, представляющее право подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или его представителю заявить ходатайство о прекращении производства по уголовному делу в сокращенной форме дознания и продолжении дознания в общем порядке в ходе как расследования, так и судебного разбирательства (до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора), которое подлежит безусловному удовлетворению, даже если у суда не возникает сомнений в качестве проведенного расследования. В связи с этим следует согласиться с мнением автора настоящей статьи, а также С. И. Гирько и М. А. Митюковой, которые отмечают, что данная практика приводит к затягиванию процесса, а последующее собирание и исследование доказательств усложняется [19, с. 94–103 ; 7, с. 51–57 ; 20, с. 100–106].

Так, постановлением Евпаторийского городского суда Республики Крым от 22 апреля 2015 г. уголовное дело по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, возвращено прокурору для производства по нему дознания в общем порядке в связи с возражениями потерпевшего О., который в ходе дознания в своих показаниях

¹ Уголовное дело № 11901560046000227 // Архив мирового судебного участка № 1 Первомайского района г. Пензы за 2019 г.

настаивал на проведении расследования в форме сокращённого дознания¹.

Аналогичных примеров возвращения уголовных дел прокурору в порядке ч. 4 ст. 226⁹ УПК РФ в судебной практике предостаточно, что является одной из причин, во-первых, увеличения сроков расследования, чем фактически отдалается момент отправления правосудия, а, во-вторых, не побуждает дознавателя осуществлять производство дознания в сокращенной форме в силу возможности возвращения ему уголовного дела на дополнительное расследование по обстоятельствам, от него не зависящим [21, с. 133]. В связи с этим автор справедливо указывает на то, что решение о производстве расследования в сокращенной форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование [6, с. 21]. Еще более радикальную позицию занимают М. В. Лопатников и А. С. Александров, считающие, что публичное уголовное судопроизводство поставлено в зависимость от воли как лица, совершившего уголовно наказуемое деяние (подозреваемого), так и частного лица, и дополнительно отмечают, что стоит вообще отказаться от согласования с потерпевшим производства дознания в сокращенной форме (п. 6 ч. 1 ст. 226² УПК РФ), оставив за ним право обжалования данного решения в порядке ст. 125 УПК РФ [22, с. 26].

В свою очередь, ряд ученых полагают, что законодатель совершенно оправданно назвал случай, когда в частности потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме [23, с. 143]. Однако следует учитывать, что уголовно-процессуальный закон прямо не обуславливает получение согласия потерпевшего на принятие должностным лицом решения о производстве дознания в сокращенной форме, поскольку в его адрес направляется лишь уведомление об уже принятом

дознавателем решении в отношении заявленного подозреваемым ходатайства с разъяснением порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против такого производства по уголовному делу (ч. 5 ст. 226⁴ УПК РФ).

Отсюда возникает правовой парадокс – должностное лицо информирует потерпевшего о том, что фактически производство в сокращенной форме уже началось и уведомляет его о праве возражать против такого порядка. В то время как возражение последнего согласно ч. 2 ст. 226² УПК РФ императивно блокирует постановление должностного лица, на что обращает внимание и Н. Н. Ковтун [24, с. 47–49]. Налицо очевидная противоречивость правового регулирования данного вопроса. Логичнее представляется получение должностным лицом согласия потерпевшего до принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме.

Одновременно учитывая и то обстоятельство, что российский уголовный процесс принадлежит к континентальной правовой семье и имеет публичную правовую природу, исключение волеизъявления сторон обвинения и защиты из норм УПК РФ именно как основополагающего условия выбора сокращенной формы дознания призвано способствовать расширению правоприменительной практики расследования преступлений в данной форме [25, с. 46].

Разрешение сложившейся правовой ситуации видится в превалировании дискреционных полномочий должностного лица органа дознания, что позволит исключить возвращение из суда уголовных дел прокурору для производства по нему дознания в общем порядке по причине изменения, зачастую без достаточных оснований, позиции подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и (или) потерпевшего, его представителя

¹ Отчет Верховного Суда Республики Крым. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?id=94&name=docum_sud (дата обращения: 23.08.2023).

относительно примененного порядка судопроизводства.

Следует обратить внимание и на ряд противоречий в части установления правил доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Так, исходя из смысла нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в качестве доказательств признаются показания участников уголовного судопроизводства, полученные в ходе допроса, в то время как допрос – это следственное действие, а при проведении дознания в сокращенной форме лицо, его осуществляющее, имеет право «не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения» (п. 2 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ). Из этого следует, что доказательством по уголовному делу, расследуемому в указанной форме, признаются объяснения, однако в перечень доказательств объяснение не включено [26, с.96].

В этой связи следует согласиться с мнением профессора В. А. Лазаревой [27, с.72–76], о том, что соединив процессуальное доказывание с так называемой доследственной проверкой, сокращенное дознание фактически оказалось приближенным к ней в большей степени, чем к самостоятельной форме предварительного расследования, каковым является дознание.

Изложенное позволяет автору утверждать, что фактически сокращенное дознание не является таковым и соответственно не достигает процессуальной экономии, как это изначально задумывал законодатель, вводя в УПК РФ главу 32¹, а также не обеспечивает эффективную реализацию органами дознания данного института.

Решение обозначенной проблемы с учетом аргументов, приведенных выше о наличии существующих правовых противоречий процессуальных правил производства дознания в сокращенной форме, видится в формировании института протокольной формы расследования по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, не представляющих, как отмечено выше, большой общественной опасности, обстоятельства совершения которых очевидны и в этой связи отсутствует необходимость в проведении всего комплекса следственных и иных процессуальных действий, что представляется особенно актуальным при возвращении в российское законодательство уголовного проступка, о чем сегодня идет активная научная дискуссия [28, с. 2–5 ; 29, с. 11] и проект федерального закона о котором внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в октябре 2020 года Пленумом Верховного Суда Российской Федерации¹.

С учетом приведенных выше обстоятельств, предлагаются следующие процессуальные компоненты реально сокращенного дознания (протокольной формы расследования) и судебного разбирательства уголовных дел:

1) расширение перечня преступлений, отнесенных к компетенции органов дознания, с учетом возможного возвращения в УК РФ уголовного проступка [30, с. 7–9];

2) при расследовании преступлений по сокращенным правилам доказывания обязательным условием является незамедлительное после регистрации сообщения о преступлении начало расследования по уголовному делу, минуя

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : проект федерального закона, внесенный в Государственную Думу Пленумом Верховного Суда Российской Федерации № 42 от 31 октября 2017 г. URL: <https://www.vsr.ru/files/24307/> (дата обращения: 10.02.2023).

этап проверки сообщения о преступлении и, соответственно, без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела;

3) должны быть предусмотрены следующие основания производства дознания в сокращенной форме: начало производства расследования в отношении конкретного лица по признакам преступления, отнесенного к подследственности органа дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ); признание подозреваемым факта совершенного деяния, характера и размера причиненного вреда и согласие с правовой оценкой противоправного деяния; учет обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, предусмотренных пп. 1-5 ч. 1 ст. 226² УПК РФ (при определенных обстоятельствах этот перечень может быть сокращен);

4) должна быть принципиально изменена форма расследования преступлений указанной категории. Необходим переход на протокольную форму и, как вариант, в целях ее реализации – введение формализованного бланка протокола, в котором предлагается предусмотреть необходимые виды следственных действий: осмотр места происшествия, допрос подозреваемого, потерпевшего и при необходимости – свидетеля с разъяснением им процессуальных прав, изъятие вещественных доказательств и приобщение их к уголовному делу, назначение судебной экспертизы (только в случае обязательного ее производства);

5) расследование по протокольной форме может осуществляться по преступлениям небольшой и средней тяжести, отнесенным к подследственности как органов дознания, так и органов предварительного следствия, как, например, кражи металлического ведра с гвоздями на сумме 196 рублей, совершенной гражданином

А. С. Ардатовым путем проникновения в сарай хозяйственного назначения на территории садового участка¹;

6) УПК РФ должен содержать правовую норму, не допускающую производство иных, кроме указанных выше, следственных действий, о чем автором впервые заявлено на конференции в Академии управления МВД России 26 мая 2011 г. [31, с. 12], и одновременно уточняющую, что к протоколу должна быть приложена справка с указанием свидетелей, которые могут быть вызваны в судебное заседание, справка о судимости и возможно иные документы, необходимые, по мнению органа расследования, в судебном разбирательстве;

7) срок производства по такому уголовному делу ограничивается двумя сутками, что в условиях очевидности совершенного преступления и, исходя из реальной практики расследования большинства противоправных деяний (в будущем – уголовных проступков), является вполне достаточным;

8) в целях расследования уголовного дела в указанный выше срок и для обеспечения исполнения приговора подозреваемое лицо (около 150 тыс. в год дополнительно к числу задерживаемых сегодня 130 тыс. подозреваемых) в обязательном случае задерживается в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов, что также должно способствовать резкому сокращению числа лиц, находящихся в федеральном розыске (ежегодно порядка 100 тыс.), в основном, за указанные преступления;

9) после направления прокурором уголовного дела в суд последний незамедлительно назначает судебное заседание и одновременно в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в данную норму незначительных изменений, продлевает задержание подозреваемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело;

¹ Архив Кировского районного суда Ставропольского края.

10) расследование по протокольной форме производства должны производить, наряду с дознавателями, иные должностные лица органа дознания, например, участковые уполномоченные полиции.

Решение изложенных проблем способно обеспечить расследование в форме сокращенного дознания и их последующее судебное разбирательство за год порядка 150-200 тыс. преступлений.

В качестве вывода автор констатирует, что актуальность введения протокольной формы расследования обусловлена необходимостью обеспечения реализации осуществляемых Российской Федерацией законодательных мер по гуманизации уголовного закона, либерализации уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, учитывая возможность возвращения, как отмечено выше, в российское законодательство уголовного проступка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 145.
2. Кругликов А. П. Дифференциация уголовного судопроизводства и уголовная ответственность // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 33–37.
3. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.
4. Хромова Н. М. Особый порядок для следствия // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 59.
5. Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 34.
6. Гаврилов Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы

и реалии правоприменения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6. С. 21.

7. Гирько С. И. Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2. С. 51–57.

8. Насонова И. А., Зотова М. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 47–53.

9. Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2004. 336 с.

10. Гимазетдинов Д. Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 16.

11. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 22–28.

12. Долгих Т. Н. Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме // Российский судья. 2015. № 9. С. 28.

13. Проблемные аспекты правового регулирования сокращенной формы дознания / В. А. Абрамов, С. Л. Никонович, А. С. Климов, А. Я. Авдалян, А. А. Шаевич // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 9–14.

14. Уголовный процесс западных государств / Головки Л. В. и другие. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/UP/GUCENKO_2002/B1750Content.html (дата обращения: 10.09.2023).

15. Клещина Е. Н., Архипов А. С. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования : монография. Москва, 2015. С. 3.

16. Францифоров Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников

процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 149.

17. Татьяна Л. Г. Защита прав сторон при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 3. С. 129.

18. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 115.

19. Гаврилов Б. Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2019. С. 94–103.

20. Митюкова М. А. Проблемы возбуждения и расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 100–106.

21. Шпагина Ю. В. Об ускоренном досудебном производстве как виде уголовно-процессуальной деятельности полиции // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 133.

22. Лопатников М. В., Александров А. С. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «Сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 26.

23. Клещина Е. Н., Кондрат И. Н., Шаров Д. В. Охрана прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, правовые и

правоприменительные проблемы : монография. Москва, 2015. С. 143.

24. Ковтун Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49.

25. Ким Д. В., Торовков А. А. О волеизъявлении заинтересованных участников уголовного процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 46.

26. Губарев И. С. Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 196 с.

27. Лазарева В. А. Порядок и проблемы рассмотрения судом уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 3. С. 72–76.

28. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок в контексте реформирования российского уголовного закона // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.

29. Гордиенко В. В. Законодательное установление уголовного проступка и исключение института отказных материалов // Российский следователь. 2010. № 15. С. 11.

30. Рогова Е. В. Понятие и сущность уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3. С. 7–9.

31. Направления совершенствования уголовного судопроизводства // Юридический консультант. 2012. № 3. С. 12.

УДК 343.7
EDN PPBOMR

Ивушкина Ольга Викторовна,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Россия, 664074,
e-mail: grigorievao86@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9183-3184

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ С ИНЫМИ ВИДАМИ ХИЩЕНИЙ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы квалификации и разграничение мошенничества при получении выплат со смежными составами. Исследуются положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), содержащие специальные нормы об ответственности за мошенничество при получении выплат. Автор исследует общественную опасность и способ совершения мошенничества при получении выплат со смежными составами, такими как кража (ст. 158 УК РФ); присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) и др. Анализ особенностей разграничения мошенничества при получении выплат с иными видами хищений позволил автору сделать ряд выводов.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, квалификация, выплаты.

Ivushkina Olga Viktorovna,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD, Associate Professor,
Lermontov str. 110, Irkutsk, Russia, 664074,
e-mail: grigorievao86@mail.ru
ORCHID: 0000-0002-9183-3184

DIFFERENTIATION OF FRAUD IN RECEIVING PAYMENTS WITH OTHER TYPES OF EMBEZZLEMENT

Annotation. This article discusses the issues of qualification and differentiation of fraud when receiving payments with related compositions. The provisions of the Criminal Code of the Russian Federation containing special rules on liability for fraud in receiving payments are investigated. The author explores the social danger and the method of committing fraud when receiving payments with related compounds, such as theft (Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation); embezzlement or embezzlement (Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation) etc. The analysis of the features of distinguishing fraud when receiving payments with other types of embezzlement allowed the author to draw a number of conclusions.

Key words: fraud, embezzlement, qualification, payments.

Квалификация преступлений представляет собой сложный и многогранный процесс, которого происходит установление и

юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного противоправного деяния и

состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством [1, с. 85].

Спорные вопросы при квалификации имеют важнейшее практическое значение. На сегодняшний день следственная и судебная практика не перестают сталкиваться с определенными трудностями при квалификации и разграничении состава мошенничества при получении выплат со смежными составами, а также при отграничении от гражданско-правовых деликтов. В первую очередь, это связано с тем, что нормы закрепляющие уголовную ответственность за преступления имущественного характера, с одной стороны, характеризуются общими признаками, а с другой – отдельными признаками, различающими их.

Итак, если говорить о проблемных моментах квалификации имущественных преступлений, можно выделить ряд составов, признаки которых пересекаются с признаками состава мошенничества, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. К таковым относятся: ст. 158, ст. 160, ст. 161, ст. 163, ст. 173.1-173.2, ст. 172.2, ст. 327 УК РФ и другие. Так или иначе каждая спорная ситуация имеет свои характерные признаки и требует индивидуальной правовой оценки. Определенные разъяснения дает постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48. Тем не менее, все спорные ситуации охватить весьма затруднительно, поскольку Пленум дает лишь отдельные разъяснения относительно наиболее распространенных проблемных ситуаций [2, с. 127].

В ст. 159.2 УК РФ законодатель определил особый способ совершения исследуемого деяния (обман и злоупотребление доверием). Посредством обмана или злоупотребления доверием происходит хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, при этом следует подчеркнуть, что собственник выдает имущество добровольно, что, в свою очередь, является специфическим

признаком мошенничества, отличающим его от других преступлений имущественного характера.

Отграничивая мошенничество при получении выплат от других форм хищения, следует исходить из того, что в составе данного мошенничества обман играет роль обстоятельства, под влиянием которого сам потерпевший или лицо, в ведении которого находится имущество, передает это имущество виновному. Когда обман используется только для того, чтобы облегчить совершение хищения, содеянное должно квалифицироваться в зависимости от применения способа завладения имуществом [3, с. 48].

Основным критерием отличия кражи (ст. 158 УК РФ) от мошенничества (ст. 159.2 УК РФ) является то, что в одном случае обман выступает в качестве способа совершения преступления, посредством которого изымается имущество, а в другом – обман является средством для облегчения противоправного изъятия чужого имущества. По этому критерию происходит и разграничение мошенничества от грабежа или разбоя.

Относительно отграничения ст. 159.2 УК РФ от ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата), следует отметить, что в ст. 160 УК РФ для изъятия имущества виновный использует имеющиеся у него полномочия в отношении этого имущества. Кроме того, еще одним немаловажным критерием является наличие специального субъекта, то есть при присвоении он обладает специальным признаком, а именно: фактической возможностью обладать чужим имуществом, чего нет при мошенничестве по ст. 159.2 УК РФ [4, с. 21].

Как уже было отмечено, Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ было введено ст. 159.2 УК РФ. До этого данный состав преступления охватывала ст. 159 УК РФ.

Для сравнения диспозиции ст. 159 и ст. 159.2 УК РФ необходимо охарактеризовать ст. 159 УК РФ.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Объектом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, являются общественные отношения по охране интересов собственника (владельца), отношения собственности. Предметом преступления является чужое имущество, как движимое, так и недвижимое, как материальные вещи, так и безличные деньги, бездокументарные ценные бумаги и права на него. Объективная сторона мошенничества выражается в альтернативных деяниях, последствиях в виде имущественного ущерба, причинной связи и специфическом способе (обмане или злоупотреблении доверием). Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, состоит из вины в форме прямого умысла, корыстной цели, и в отдельных случаях – корыстного мотива. Субъектом данного преступления являются физические, вменяемые лица, достигшие возраста 16 лет.

Состав мошенничества при получении выплат схож с составом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Диспозиция ст. 159.2 УК РФ отличается от диспозиции ст. 159 УК РФ тем, что в составе мошенничества содержится признак – предмет – чужое имущество без его описания. В диспозиции ст. 159.2 УК РФ используется признак предмета и его описание – денежные средства и иное имущество, к тому же еще подчеркивается, что операции с предметом происходят при получении выплат, круг которых также не определен. Следовательно, делаем вывод о том, что мошенничество при получении выплат и мошенничество отличаются таким признаком объективной стороны, как предмет преступления [5, с. 76].

Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием имеет материальный состав. Объективная сторона мошенничества при получении выплат заключается в деянии – хищении, согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, безвозмездном изъятии и (или) обращении с корыстной целью чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, а также в приобретении права на чужое имущество. Следовательно, объективная сторона мошенничества при получении выплат полностью тождественна объективной стороне мошенничества. Оба состава преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 159.2 УК РФ, являются материальными.

Субъекты рассматриваемых преступлений и субъективная сторона схожи.

Можем сделать вывод о том, что мошенничество и мошенничество при получении выплат отличаются предметом и непосредственным объектом преступления. Под ст. 159.2 УК РФ и под ст. 159 УК РФ подпадает деяние, если лицо совершает хищение либо приобретение права на чужое имущество денежных средств или иного имущества при получении социальных выплат. Следовательно, делаем вывод о том, что ст. 159 УК РФ является общей нормой, ст. 159.2 УК РФ специальной нормой. Мошенничество – это хищение не просто имущества, а именно, завладение им при получении социальных выплат – отношения государственной и муниципальной собственности являются частью объекта мошенничества – собственности в целом, так как последняя включает в себя еще и собственность частную. При этом все деяния, которые являются мошенничеством при получении выплат, будут являться и мошенничеством, но не все мошенничества – мошенничества при получении выплат.

При конкуренции общей и специальной нормы в виде мошенничества

и мошенничества при получении выплат соответственно будут применяться правила ч. 3 ст. 17 УК РФ: если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме [6, с. 108].

Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ также была введена ст. 159.5 УК РФ. Статья 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования» до введения в действие данного Федерального закона охватывалась ст. 159 УК РФ. В виду того, что некоторые виды социальных выплат являются страховыми, необходимо произвести сравнение диспозиций ст. 159.2 УК РФ и ст. 159.5 УК РФ. Для проведения соотношения данных статей необходимо разобрать состав преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ.

Объектом мошенничества в сфере страхования являются отношения владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим на праве собственности страховщикам (как юридическим лицам, так и государству). Следовательно, можно сделать вывод о том, что объектом мошенничества в сфере страхования будут являться отношения государственной и частной собственности. Исходя из этого, мошенничество при получении выплат и мошенничество в сфере страхования имеет отличия в непосредственном объекте – в содержании объекта мошенничества при получении выплат входит государственная собственность, в содержание объекта мошенничества в сфере страхования – частная.

Согласно диспозиции ст. 159.5 УК РФ предметом преступления является чужое имущество, а равно страховое возмещение. Предметом мошенничества при получении выплат является чужое имущество,

незаконно получаемое при совершении операций с социальными выплатами. Сравнивая предметы данных преступлений, приходим к выводу о том, что ст. 159.2 УК РФ и ст. 159.5 УК РФ отличаются по предмету преступления [7, с. 20].

Объективной стороной мошенничества в сфере страхования является изъятие и (или) обращение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. В то время как объективной стороной мошенничества при получении выплат является изъятие и (или) обращение денежных средств или иного имущества при получении выплат, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Мошенничество при получении выплат и мошенничество в сфере страхования отличаются в части способа совершения данных преступлений. Преступления, предусмотренные ст. 159.5 УК РФ, невозможно совершить путем пассивного обмана, так как, умалчивая о наступлении страхового случая, причинять вред собственности страховщика невозможно.

Субъективная сторона мошенничества в сфере страхования не имеет отличий от основного состава мошенничества или мошенничества при получении выплат, мошенничество в сфере страхования является хищением, а значит, совершается только с прямым умыслом, корыстной целью, в отдельных случаях может наличествовать корыстный мотив [8, с. 187].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что мошенничество в сфере страхования и мошенничество при получении выплат отличаются непосредственным объектом, предметом и субъектом, а также способом, так как

мошенничество в сфере страхования не совершается путем пассивного обмана. Мошенничество при получении выплат и мошенничество в сфере страхования соотносятся как две специальные нормы по отношению к основному составу мошенничества. Данные нормы вступают в конкуренцию специальных норм. Имеющиеся в уголовно-правовой литературе подходы к преодолению такой конкуренции, в случае если преступное деяние подпадает под действие ст. 159.2 УК РФ и ст. 159.5 УК РФ не применимы, и встает перед правоприменителем вопрос квалификации останется неразрешенным.

Мошенничество при получении выплат граничит также и со многими другими составами, отграничение которых представляется посредством детального рассмотрения предмета преступления, объективной и субъективной стороны, а также направленности умысла виновного лица в смежных с мошенничеством составах.

Состав мошенничества при получении выплат также необходимо отграничивать от гражданско-правовых деликтов, в виду того, что процесс совершения преступлений имущественного характера, осуществляемых посредством обмана и злоупотребления доверием, сопровождается различными договорами, поручениями, оказанием различных услуг и т. д. Основанием для отграничения следует считать степень общественной опасности совершенных противоправных действий. Исходя из степени общественной опасности, определяется направленность умысла, прежде всего, его наличие или отсутствие. В ситуации, когда виновный берет на себя обязательство, но по каким-либо, установленным причинам его не выполняет деяние необходимо признать гражданско-правовым деликтом, но если у лица есть заранее обдуманый умысел на то, чтобы не выполнять обязательства, противоправные действия необходимо

квалифицировать по ст. 159.2 УК РФ [9, с. 321].

Таким образом, проанализировав особенности разграничения мошенничества при получении выплат с иными видами хищений, необходимо сделать следующие выводы:

- мошенничество и мошенничество при получении выплат отличаются предметом и непосредственным объектом преступления. Под ст. 159.2 УК РФ и под ст. 159 УК РФ подпадает деяние, если лицо совершает хищение либо приобретение права на чужое имущество денежных средств или иного имущества при получении социальных выплат. Следовательно, делаем вывод о том, что ст. 159 УК РФ является общей нормой, ст. 159.2 УК РФ специальной нормой. Мошенничество – это хищение не просто имущества, а именно завладение им при получении социальных выплат – отношения государственной и муниципальной собственности являются частью объекта мошенничества – собственности в целом, так как последняя включает в себя еще и собственность частную. При этом все деяния, которые являются мошенничеством при получении выплат, будут являться и мошенничеством, но не все мошенничества – мошенничества при получении выплат.

При конкуренции общей и специальной нормы в виде мошенничества и мошенничества при получении выплат соответственно будут применяться правила ч. 3 ст. 17 УК РФ: если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Мошенничество в сфере страхования и мошенничество при получении выплат отличаются непосредственным объектом, предметом и субъектом, а также способом, так как мошенничество в сфере страхования не совершается путем пассивного обмана. Мошенничество при получении выплат и мошенничество в

сфере страхования соотносятся как две специальные нормы по отношению к основному составу мошенничества. Данные нормы вступают в конкуренцию специальных норм. Имеющиеся в уголовно-правовой литературе подходы к преодолению такой конкуренции, в случае если преступное деяние подпадает под действие ст. 159.2 УК РФ и ст. 159.5 УК РФ не применимы, и стоящий перед правоприменителем вопрос квалификации останется неразрешенным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арендаренко А. В. Уголовное право Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты. Москва, 2017. С. 98.
2. Каякина Д. Н. Проблемы разграничения мошенничества при получении выплат с другими специальными составами мошенничества // Юридический факт. 2020. № 120. С. 127.
3. Смирнов А. М. Некоторые проблемы квалификации мошенничества как специфического способа хищения // Новый юридический вестник. 2019. № 1. С. 53.
4. Федоров А. В., Кравцов С. С. Вопросы квалификации и расследования мошенничества при получении выплат // Юрист-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 37.
5. Скирда М. В., Ерискина Н. В. Проблемы определения ответственности за мошенничества при получении выплат как

признак преступления (на примере Камчатского края) // Интернаука. 2021. № 20-5 (196). С. 81.

6. Малышкин П. В., Шабаетов В. В. Отграничение состава мошенничества при получении выплат от некоторых смежных составов преступлений // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 112.

7. Потетинов В. А., Максименко А. В. Квалификация мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) : учебное пособие. Белгород, 2022. С. 23.

8. Малышкин П. В., Асанова И. П. Отграничение состава мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) от общего состава мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. Саранск, 2021. С. 253.

9. Щепельков В. Ф., Суслина Е. В., Векленко В. В. Применение норм Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве: состояние и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 2. С. 368.

УДК 343.2
EDN QYNTCU

Коренная Анна Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук,
пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656015,
e-mail: lawer_ann@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5704-4467

РЕГИСТРАЦИЯ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (СТ. 170 УК РФ)

Аннотация. В статье проведен межотраслевой анализ состава преступления, предусмотренного ст. 170 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Автор анализирует особенности конструкции состава преступления на основе классической структуры состава преступления, прослеживает динамику изменения уголовно-правовой нормы. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что по признаку объекта преступления состав, предусмотренный ст. 170 УК РФ, относится к категории полиобъектных преступлений. Сама конструкция таких преступлений противоречит уголовно-правовым принципам равенства и справедливости и не должна применяться в уголовном законе. Межотраслевой анализ объективной стороны регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом свидетельствуют о фактической невозможности выполнения объективной стороны в виде занижения кадастровой стоимости недвижимости, а уголовная ответственность за регистрацию сделок и искажение сведений реестра предусмотрена в ст. 285.3 УК РФ. Указанное предопределяет вывод о необходимости исключения ст. 170 УК РФ из текста уголовного закона.

Ключевые слова: экономические преступления, недвижимость, незаконным сделки, уголовная ответственность, криминализация, декриминализация.

Korennaya Anna Anatolyevna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Altai State University, PhD,
Lenin Ave St., 61, Barnaul, 656015,
e-mail: lawer_ann@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5704-4467

REGISTRATION OF ILLEGAL TRANSACTIONS WITH REAL ESTATE: PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY (ARTICLE 170 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. The article provides an intersectoral analysis of the corpus delicti provided for in Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the features of the construction of the corpus delicti on the basis of the classical structure of the corpus delicti, traces the dynamics of changes in the criminal law norm. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that on the basis of the object of the crime, the composition provided for in Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation belongs to the category of polyobject crimes. The very construction of such crimes contradicts the principles of equality and justice in criminal law

and should not be applied in criminal law. Intersectoral analysis of the objective side of registration of illegal transactions with real estate indicates the actual impossibility of fulfilling the objective side in the form of understatement of the cadastral value of real estate, and criminal liability for registration of transactions and distortion of registry information is provided for in Article 285.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. This determines the conclusion that it is necessary to exclude Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation from the text of the criminal law.

Keywords: economic crimes, real estate, illegal transactions, criminal liability, criminalization, decriminalization.

Первоначальная редакция ст. 170 УК РФ, существовавшая с момента вступления в силу УК РФ, устанавливала уголовную ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей, не охватывая своим содержанием другие объекты недвижимости. Это было обусловлено принятой в ранний постсоветский период системой кадастрового учета земельных участков автономно от иных объектов недвижимости, регламентированного Указом Президента РФ от 11.12.1993 г. № 2130 «О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость», затем Федеральным законом РФ от 02.01.2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре». Федеральным законом от 13.07.2015 г. № 228-ФЗ ст. 170 УК РФ была существенно изменена как технически, так и содержательно:

– расширена сфера применения нормы: с 2015 г. ее действие распространяется не только на незаконную регистрацию сделок с землей, но и в целом с недвижимым имуществом;

– уточнена правовая терминология, диспозиция ст. 170 УК РФ приведена в соответствие со специальным законодательством (по состоянию на 2015 г.): указание на искажение сведений государственного кадастра недвижимости заменено на сведения государственного кадастра недвижимости (ГКН) и Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРНП);

– уточнена формулировка в части занижения размера платежей за землю на занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости;

– ужесточена санкция в части обязательного назначения дополнительного наказания лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет при назначении основного наказания в виде обязательных работ.

Анализ изменений ст. 170 УК РФ:

Изменения	Юридико-технические	Изменение содержания уголовно-правового запрета	Изменение санкции
ФЗ от 08.03.2003 № 162-ФЗ			1) Исключено указание на исчисление штрафа исходя из размера МРОТ. Установлен штраф в виде фиксированной суммы – до 80 тыс. руб. 2) Увеличен период получения заработной платы или иного дохода, учитываемый при назначении штрафа: с 2 сем. Максимально до 6 мес. максимально.

ФЗ от 07.02.2011 № 420-ФЗ			1) Изменен период назначения обязательных работ: с указанием на минимальный и максимальный размер: от 120 до 180 часов с указанием на предельный размер – до 360 часов.
ФЗ от 13.07.2015 № 228-ФЗ	1) Указание на совершение перечисленных в статье действий в отношении земли, заменено на «недвижимое имущество».	2) Указание на искажение сведений государственного кадастра заменено на ЕГРНП и ГКН. 1) Дополнено указанием на умышленный характер действий по искажению реестровых сведений. 2) Деяние в форме занижения платежей за землю исключено, диспозиция дополнена деянием: занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости.	

Однако несмотря на существенные изменения уголовно-правовой нормы, практической реализации ст. 170 УК РФ не получила. С 2019 г. по 2022 г. по официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по данной норме не вынесено ни одного обвинительного приговора. Представляется, что подобная практика, точнее ее отсутствие сохранится и в будущем, по двум причинам: существенные недостатки диспозиции, в том числе, связанные с существенным изменением специального законодательства, а также наличие тождественной нормы в гл. 20 УК РФ (ст. 285.3 УК РФ).

В науке уголовного права предложены различные подходы к определению объекта преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ. Н. И. Пикуров определяет объект исходя из места расположения статьи уголовном законе и предлагает понимать под объектом регистрации незаконных сделок с землей (недвижимым имуществом – в действующей редакции

УК РФ) общественное отношение, связанное с вовлечением в экономический оборот земли [1, с. 85]. В. П. Верина указывает, что при совершении действий, предусмотренных ст. 170 УК РФ, должностное лицо «посягает на отношения собственности на землю и на права граждан и юридических лиц, владеющих, пользующихся и распоряжающихся землей» [2, с. 98]. В качестве объекта преступного посягательства выделяют и установленный порядок регистрации сделок с недвижимым имуществом, порядок ведения Государственного кадастра недвижимости [3, с. 37–41]. При умышленном занижении кадастровой стоимости объектов недвижимости дополнительным объектом выступают имущественные интересы государства или муниципальных образований. В юридической литературе также вполне справедливо отмечается, что обоснованность размещение ст. 170 в гл. 22 УК РФ вызывает некоторые сомнения. И. А. Клепицкий указывает, что «ст. 170 УК РФ помещена в гл. 22 без

необходимых на то оснований, поскольку регистрация незаконных сделок с землей и иные деяния, указанные в этой статье, влекут ответственность независимо от того, связаны ли они с предпринимательской или иной экономической деятельностью лиц, их совершивших. Это должностное преступление, место которому в гл. 30 УК РФ [4, с. 39].

Однозначно определить объект рассматриваемого преступления крайне затруднительно в связи с тем, что в диспозиции ст. 170 УК РФ объединены различные по своему содержанию деяния. Анализ содержания уголовно-правового запрета, установленного в ст. 170 УК РФ позволяет сделать вывод, что рассматриваемое преступление имеет два основных (альтернативных) непосредственных объекта. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственная регистрация прав на недвижимое имущество – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества. Таким образом, в случае регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом изменяются сведения о собственнике или ином законном владельце имущества либо налагаются и/или снимаются обременения в отношении имущества, вытекающие из сделки. В этой связи нарушаются два вида общественных отношений – возникающие в связи с собственностью или иным законным владением (гл. 21 УК РФ) и в связи с реализацией требований достоверности сведений реестра. При совершении преступления в форме искажения реестровых сведений (в настоящее время – сведения ЕГРН) – только последняя группа общественных отношений. Исходя из местоположения ст. 170 УК РФ в структуре уголовного

закона, приоритет уголовно-правовой установлен в отношении действия – а именно в отношении перехода прав и установления прочих ограничений.

При закреплении уголовно-правового запрета на совершение незаконных регистрационных действий, полагаем, законодатель стремился обеспечить уголовно-правовыми средствами защиты отношения собственности и иных вещных прав как статичной составляющей экономической деятельности, не связанные с ее хищением, либо уничтожением (юридическая судьба имущества). При совершении данного преступления, безусловно, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией надлежащего порядка оформления и государственного учета недвижимого имущества, как особого (значимого) вида имущества. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ обусловлена тем, что единственным же доказательством существования зарегистрированного права на любой момент времени являлась ранее и является в настоящее время, как следует из ГК РФ (ст. 8.1 (п. 2), 131), Закона о государственной регистрации недвижимости (в том числе статей 1, 9), только запись в ЕГРН. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним имеет три функции: правоустанавливающая, правоподтверждающая [5, с. 36–37] и охранительная в части обеспечения контроля за законностью действий, придание факту законности, учету, объединению информации, охране прав заинтересованных лиц» [6, с. 7]. Соответственно, совершение рассматриваемого преступления препятствует реализации каждой из вышеперечисленных функций.

При определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ, в форме занижения кадастровой стоимости земли следует

исходить из того, что кадастровая стоимость земельных участков и отдельных объектов недвижимого имущества устанавливается для целей налогообложения и в иных, предусмотренных федеральными законами случаях (п. 5 ст. 65 ЗК РФ, ст. 375, 390, 402 НК РФ, глава III.1 Федерального закона от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ»¹). Помимо того, что кадастровая стоимость является основой для определения налоговой базы, она имеет является базовой величиной для определения выкупной стоимости при продаже государственного или муниципального имущества. С учетом правовой природы и значения кадастровой стоимости в имущественном обороте основной непосредственный объект преступления следует определить как общественные отношения, возникающие в связи с обязанностью уплаты обязательных платежей – налогов на имущество физических и юридических лиц – в порядке и размерах, установленных налоговым законодательством, а также оплаты стоимости государственного и муниципального имущества.

Таким образом, анализ содержания ст. 170 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что непосредственный объект преступления структурно включает в себя две группы самостоятельных общественных отношения. Первая – это общественные отношения, возникающие в связи с реализацией надлежащего порядка оформления и государственного учета недвижимого имущества, как особого (значимого) вида имущества (организационно-контрольные правоустанавливающие отношения). Дополнительным объектом в этом случае выступают отношения собственности либо иного законного владения. Вторая группа

общественных отношений – отношения, связанные с определением налоговой базы и иных расчетных показателей, учитываемых при оказании отдельных видов государственных услуг, связанных с оплатой в казну РФ в соответствии с требованиями законодательства (фискальные).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ – три самостоятельных, альтернативных действия. Рассмотрим каждое из них. Понятие государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок в нем в соответствии с Законом о государственной регистрации приведено выше и из него следует, что регистрация – это не есть само действие, она представляет собой итоговый результат последовательных стадий (ст. 13, 29 Закона о государственной регистрации): прием заявления и/или документов, возврат заявления или документов при наличии оснований, предусмотренных законом, правовая экспертиза на предмет наличия или отсутствия установленных настоящим Федеральным законом оснований для приостановления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо для отказа в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, внесение записи о государственной регистрации в ЕГРН, выдача документов (ст. 29 Закона о государственной регистрации). Правовые последствия наступают в связи с реализацией четвертой стадии, то есть в связи с внесением соответствующей записи в ЕГРН (ст. 13 Закона о государственной регистрации). в этой связи формулировка диспозиции рассматриваемой нормы с указанием на регистрацию как на способ

¹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181899/ (дата обращения: 31.10.2023).

выполнения объективной стороны, на наш взгляд, представляется некорректной и не соответствующей понятию «регистрация», определенной в специальном законе. Каждая из перечисленных выше стадий, безусловно, имеет правовое значение. Однако, принимая во внимание, что правовые последствия возникают после реализации четвертой стадии, то есть после внесения записей в ЕГРН, криминализовано должно быть именно данное деяние, что и сделано в ст. 285.3 УК РФ.

В соответствии со ст. 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней. Регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законами. Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона о государственной регистрации недвижимости государственной регистрации подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество и сделки с ним в соответствии со ст. ст. 130, 131, 132, 133.1 и 164 ГК РФ. В случаях, установленных федеральным законом, государственной регистрации подлежат возникающие, в том числе на основании договора, либо акта органа государственной власти, либо акта органа местного самоуправления, ограничения прав и обременения недвижимого имущества, в частности сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, наем жилого помещения.

Регистрация сделки и регистрация прав, возникающих на основании сделки -

разные регистрационные процедуры. Ключевое различие заключается в том, что в первом случае (если сделка подлежит регистрации) сделка не будет считаться заключенной до момента государственной регистрации (а в некоторых случаях закон устанавливает при отсутствии регистрации такое последствие как недействительность сделки). Во втором случае (если сама сделка не регистрируется, а регистрируются права) сделка считается заключенной с момента подписания договора, регистрации подлежат только права на недвижимое имущество, возникающие на ее основании. Государственной регистрации подлежат следующие виды сделок: договор аренды и субаренды земельного участка, здания, сооружения или нежилого помещения, заключенный на срок не менее одного года, за исключением договора, заключенного на неопределенный срок; договор аренды и субаренды предприятия - независимо от срока действия; договор участия в долевом строительстве; договор уступки права требования по договору участия в долевом строительстве; договор безвозмездного пользования (ссуды) объектами культурного наследия; договор финансовой аренды (лизинга); соглашения об уступке требования (договор цессии) по сделке, требующей государственной регистрации; соглашения о переводе долга по сделке, подлежащей государственной регистрации. Соответственно регистрации подлежат соглашения об изменении условий данных договоров, а также расторжение данных договоров.

Исходя из вышеуказанных положений специального закона, уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом возможна только в случае, если необходимость регистрации таких сделок прямо предусмотрена гражданским законодательством. В том случае, если ЕГРН вносятся иные обязательные данные, необходимые или достаточные для регистрации указанного в законе права на

недвижимость, лицо подлежит уголовной ответственности за умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

В Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» разъяснено, что государственная регистрация договора имеет значение для момента его заключения исключительно для третьих лиц. В связи с указанными разъяснениями в правоприменительной практике сложился подход к правовой оценке договоров, определяющих судьбу недвижимого имущества, но не прошедших государственную регистрацию, в соответствии с которым такие соглашения должны применяться в отношениях между его сторонами независимо от его государственной регистрации¹. Новая редакция ст. 433 ГК РФ, в соответствии с которым договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом, зафиксировала в законе правовой подход, сформировавшийся в судебной практике.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводам:

– преступление, предусмотренное ст. 170 УК РФ в форме регистрации заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом является специальным составом преступления по отношению к ст. 285.2 УК РФ, так как в ней установлена ответственность только за регистрацию сделок, следовательно, привлечение к уголовной ответственности за регистрацию права невозможно;

– правовое понятие «регистрация» является общим по отношению к «внесению сведений в ЕГРН» и включает в себя пять действий, которые образуют

регистрацию и завершаются государственным актом подтверждения и возникновения прав на недвижимое имущество. Использование общего термина регистрация представляется некорректным, так как, во-первых, сама регистрация представляет собой акт государственного признания и подтверждения права, а не конкретное действие; во-вторых, регистрация – это государственная услуга, включающая в себя несколько самостоятельных этапов, правовое значение которых неравнозначно. В этой связи, исходя из буквального понимания диспозиции ст. 170 УК РФ, привлечение к уголовной ответственности возможно именно за регистрацию, то есть за совершение всех стадий, перечисленных в ст. 29 Закона о государственной регистрации, что невозможно технически, так как указанные действия совершают разные лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журавлева М. П., Никулина С. И. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов. Москва : ИНФРА-М, 2014. С. 478.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. С. 345.

3. Феоктистов М. В. Девиантное поведение в сфере государственного кадастрового учета и последующей регистрации недвижимости: комментарий законодательных новелл с позиции доктрины и практики // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 37–41.

4. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. Москва : Статут, 2005. С. 509.

5. Тужилова-Орданская Е. М. Государственная регистрация прав на недвижимость // Lex Russica. 2015. № 8. С. 36-37.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2018 год : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018

г. UPL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314991/ (дата обращения: 31.10.2023).

6. Долинская В. В. Понятие, порядок и проблемы государственной регистрации // Закон. 2006. № 2. С. 7.

УДК 343.271
EDN SSOVPP

Сизова Виктория Николаевна,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра

Академии управления МВД России,

кандидат юридических наук,

ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, г. Москва, Россия, 125993,

e-mail: svnn@inbox.ru

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В СИСТЕМЕ КОДИФИЦИРОВАННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Определяющим вектором в развитии и совершенствовании современной уголовно-правовой политики за несколько последних десятилетий является курс на либерализацию в вопросе, касающемся уголовной ответственности, включающем в себя дискуссию о необходимости дальнейшей декриминализации некоторых видов преступлений, смягчение уголовно-правовых санкций за ряд противоправных деяний. В числе ключевых моментов обозначенной системы направлений российского уголовного права находится сегодня актуальная проблема, связанная с возможностью возвращения в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка.

Автор публикации отмечает, что вокруг данного вопроса развернулась острая полемика, ставшая причиной разделения представителей научной общественности и практикующих юристов на сторонников и противников введения категории уголовного проступка. Об особой значимости и актуальности, которую приобрел этот вопрос, свидетельствуют научные доклады и публикации в современной юридической литературе. Имея свою позицию на ряд озвученных идей, касательно положительных и отрицательных эффектов возвращения уголовного проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации, автор в настоящей работе предпринял попытку рассмотрения исторических аспектов категории уголовного проступка в части его формирования в период после Судебной реформы 1864 года в России.

Ключевые слова: уголовно-наказуемые деяния, уголовный проступок, уголовное законодательство, история развития.

Sizova Victoria Nikolaevna,

leading researcher at the research center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD,

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow, Russia, 125993,

e-mail: svnn@inbox.ru

EVOLUTION OF CRIMINAL MISDEMEANOR IN THE SYSTEM OF CODIFIED RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. The determining vector in the development and improvement of modern criminal law policy over the past few decades has been the course towards liberalization in matters relating to criminal liability, which includes a discussion about the need for further decriminalization of certain types of crimes and mitigation of criminal sanctions for a number of unlawful acts. Among the key points of the designated system of areas of Russian criminal law is today an urgent problem associated with the possibility of returning the category of a criminal offense to Russian criminal legislation.

The author of the publication notes that a heated debate has developed around this issue, which has become the reason for the division of representatives of the scientific community and practicing lawyers into supporters and opponents of the introduction of the category of criminal offense. The special significance and relevance that this issue has acquired is evidenced by scientific reports and publications in modern legal literature. Having his own position on a number of voiced ideas regarding the positive and negative effects of the return of a criminal offense to the Criminal Code of the Russian Federation, the author in this work attempted to consider the historical aspects of the category of a criminal offense in terms of its formation in the period after the Judicial Reform of 1864 in Russia.

Keywords: criminal offenses, misdemeanor, criminal legislation, history of development.

Судебная реформа 1864 года в России установила новую систему судопроизводства, которая получила свое отражение в Уставе о наказаниях [1, с. 395], который Александром II был утвержден 20 ноября 1864 года. Устав о наказаниях впервые в российском уголовном законодательстве выделил категорию противоправных деяний в виде проступков, поскольку ранее, как отмечено выше, не выделялись различия между преступлениями и проступками.

Нормы, регламентирующие перечень наказаний за проступки, определялись положениями статьи первой главы первой. Данными законодательными установлениями были выделены конкретные виды наказаний, которым подвергались лица, совершившие проступки: штраф, тюремное заключение на определенный срок (не более года), устное внушение и арест на определенный срок (не более трех месяцев). Кроме того, виновному в совершении проступка могло быть назначено дополнительное наказание, заключающееся в изъятии орудий совершения проступка, а также личных вещей виновного [2, с. 329]. При этом законом предусматривалось применение к виновному более мягкого наказания за совершение проступка в случае, когда он был совершен без умысла (назначалось устное внушение). Повышали степень общественной опасности проступка и, соответственно, влекли за собой более строгое наказание, случаи, когда выбор наказания регламентировался непосредственно положениями закона. Так,

в частности, законодательными положениями регламентировалось неосторожное нарушение целостности телеграфов, обусловившее их повреждение и сбой в отправке сообщений. А лица, признанные виновными, в возможно короткий срок не уведомили уполномоченные органы о совершении данного проступка, в связи с чем они могли быть подвергнуты наказанию в виде штрафа.

Кроме того, штраф налагался на виновных в случае неисполнения ими либо недолжного исполнения каких-либо специфических обязанностей, установленных законодательно. Например, неисполнение правил перевоза водными видами транспорта либо перевоз, осуществленный не должным образом (на требующих ремонта речных судах и т. п.).

Вместе с тем в качестве положительного момента следует отметить выделение законодателем обстоятельств, установление которых требовало обязательного смягчения вины лица, совершившего тот или иной проступок. Наличие данных смягчающих обстоятельств обуславливало и снижение назначаемого наказания. К числу смягчающих вину обстоятельств законодатель относил безупречную репутацию виновного лица, признание слабоумным либо обстоятельство невежества, препятствующее виновному лицу отдавать отчет в совершаемых им действиях. И напротив, установление отягчающих вину обстоятельств служило

основанием назначения виновному более строгого наказания за совершение проступка. К таким обстоятельствам, согласно закону, относились заранее сложившийся умысел на совершение проступка, совершение проступка при помощи приобретенных заранее навыков в противоправной деятельности [2, с. 331].

Что касается конкретных деяний, отнесенных законодателем к категории проступков, следует отметить отнесение их к числу проступков, нарушающих сложившийся управленческий порядок в какой-либо сфере, например, порядок благочиния и спокойствия. Кроме того, выделялись законодателем и проступки, нарушающие общественный порядок; порядок выдачи и обращения с официальными документами и бумагами (паспортный порядок); порядок строительства и пользования путями сообщения; проступки, связанные с нарушениями правил пожарной безопасности; правил почтового и телеграфного сообщения; посягающие на сферу народного здравоохранения; личную и общественную безопасность.

Кроме того, к проступкам относились оскорбления человеческого достоинства; применение либо угроза применения насилия; проступки против семьи; кража и повреждение чужой собственности. С учетом данной законодательной классификации становится очевидным основание выделения такой группы противоправных деяний, как проступки, а именно акцент на объекте посягательства. Примечательно, что в исследуемый период времени окончательно формируются основные уголовно-правовые категории: проступок и преступление. Такой законодательный подход к категоризации деяний был, в первую очередь, обусловлен происходящими в обществе социальными и экономическими изменениями, а также формированием нового государственного строя.

Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. представляет собой

фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права, в котором нашли свое отражение как особенности последних десятилетий существования Российского государства в целом, так и уровень организации законотворческой деятельности того времени, осуществлявшейся преимущественно бюрократическим путем, но опиравшейся на первоначальном этапе законопроектной деятельности на достижения науки [3, с. 49].

В соответствии со ст. 3 главы 1 данного исторического памятника [4, с. 240] к категории проступков законодателем были отнесены противоправные деяния, совершение которых влекло для виновного в качестве максимально строгого наказания заключение под арест либо штраф. Отдельно законодателем устанавливалось, что совершаться проступки могли по легкомыслию либо в силу небрежности, при этом представляли они собой как правило нарушение законодательно установленного порядка, регламентировавшего общественное спокойствие и безопасность, а также нарушения, связанные с посягательством на государственную казну [5, с. 216].

Проступками исходя из содержания Уголовного уложения являлся достаточно ограниченный круг деяний, содержащихся в:

– главе второй «О нарушении ограждающих веру постановлений», предусмотренных ч. 2 ст. 74: «Если же кощунство учинено хотя и при условиях, сей статьей указанных, но по недоразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывается арестным заключением на определенных срок (не более трех месяцев), или «Виновный в непристойном крике, шуме или ином бесчинстве, препятствующем отправлению общественного христианского богослужения или учиненном в церкви,

часовне или христианском молельном доме, наказывается арестом» и др.;

– предусмотренных в ст. 106 («Виновный в учинении преступного против члена императорского дома деяния», ч. 3 ст. 103 предусмотренного, наказывается арестом), а также ст. 107: «Виновный в оскорблении памяти усопших царствовавших деда, родителя или предшественника царствующего императора, учиненном публично, или в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении, если такое оскорбление учинено по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения (часть вторая)», наказывается арестом;

– и в других.

Таким образом, анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что в исследуемый период в России сложилось разделение уголовно-наказуемых деяний на две категории: преступления и уголовные проступки, хотя перечень последних и был достаточно ограниченным, и законодатель определил четкие границы подлежащих за их совершение уголовных наказаний. Революционные события в России в 1917 г. явились причиной зарождения неизвестных ранее исторических путей развития и социально-правовых изменений на значительный временной отрезок. Получившие доступ к власти революционеры начали ожесточенную борьбу со всеми признаками предшествующей эпохи, что не могло не оказать своего влияния на появление новых объектов уголовно-правовой охраны. Так, в частности, была установлена ответственность за совершение преступлений и проступков против советского народа. В число наказаний, назначаемых за их совершение, были включены конфискация и денежный штраф, который подлежал выплате типографией либо печатным изданием в случае совершения ими противоправных деяний. Примечательным является

отсутствие регламентации в размерах подлежащего выплате штрафа и имуществе, подлежащего конфискации с указанием на то, что их определение должно обуславливаться революционной совестью и революционным правосознанием» [6, с. 84]. В данном случае очевидно широкое судебское усмотрение при назначении того или иного вида и размера наказания.

При этом указанные виды наказаний могли быть назначены как за контрреволюционные, государственные, должностные преступления, преступления против собственности, а также против регламентированного законом порядка осуществления экономической деятельности. Кроме того, данные наказания подлежали назначению и в случае совершения таких проступков, как опубликование ложных сведений в открытом источнике, спекулятивные действия. Следует отметить, что применение штрафных санкций и конфискации имущества в качестве мер уголовного принуждения, направленных на имущественные лишения влекли за собой серьезные ограничения и лишения как в отношении самих осужденных, так в отношении их семей, что само по себе, учитывая отсутствие в целом стабильности в экономической сфере общества, представлялось весьма негативным последствием совершения проступков.

Кроме того, необходимо отметить, что характер приобретения подлежащего конфискации имущества (было ли оно приобретено законным путем либо нет) не имел значения для суда.

Таким образом, разграничения конфискации на виды (общий вид, означающий возможность на практике изымать любое личное имущество осужденного, и специальный, подразумевающий отчуждение имущества, добытого преступным путем) не существовало.

Далее следует отметить, что в пояснительной записке к Уголовному

кодексу РСФСР 1922 г. (далее – УК 1922 г.) обращалось особое внимание на то, что буржуазное разграничение в классификации преступлений и проступков не требуется, а судьи, принимая решение, должны исходить из революционного правосознания. Однако некоторые деяния не обладали большой степенью общественной опасности (например, самогонование, хулиганство) и фактически могли быть отнесены к проступкам. При этом, говоря о степени опасности таких деяний, как показывает анализ содержания УК 1922 г., следовало исходить из того, что сама опасность обнаруживается в действиях, которые вредны для общества, или сама деятельность свидетельствует о серьезной угрозе общественному порядку [7, с. 78].

УК 1922 г. предусматривал довольно широкую систему наказаний за совершение преступлений, в которую входило общественное порицание, заключающееся в публичном объявлении вынесенного судом осуждения. При этом напечатание самого приговора осуществлялось посредством личных денежных средств осужденного. Кроме того, по усмотрению суда на виновного могла быть наложена обязанность возместить причиненный проступком вред потерпевшему. Такая концепция возмещения причиненного вреда вполне вписывалась в общую систему видов наказаний.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик законодательная классификация преступных деяний выглядела следующим образом – преступления, посягающие на основы советского строя, другие преступные деяния. Точно такая же градация преступных деяний была отражена и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.

К изложенному выше об уголовном законодательстве того периода следует указать, что на повестку дня VI съезда деятелей юстиции 1926 г. было вынесено предложение по классификации

преступлений, в основу которой предлагалось положить вид наказания за их совершение. К деяниям, которые можно было расценить в качестве уголовных проступков, высказывались идеи об отнесении в данную группу социально вредных деяний, совершение которых влекло наказание в виде лишения свободы до двух лет либо другое более мягкое наказание – меры морального воздействия, принудительные работы. Однако данное предложение реализовано так и не было.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (далее – Основы) представляли собой исторический правовой памятник, в котором была воплощена государственная политика, связанная с необходимостью либерализации уголовной ответственности в случае совершения виновным малозначительных противоправных деяний. Очевидна законодательная попытка достижения комплексного результата борьбы с преступностью, заключающегося в ее полном устранении, что, конечно, представляло собой идеализированный вариант как для практических органов, так и для органов правоприменения.

Характеризуя принятый в октябре 1960 г. был принят УК РСФСР (далее – УК 1960 г.), следует отметить, что в целом законодатель того времени стремился реализовать принцип гуманизма в наказании. За совершение малозначительных по степени общественной опасности посягательств применялось общественное порицание, которое заключалось в публичном выражении судом порицания виновному с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом. Это представляло собой обладавшую значительным предупредительным эффектом меру морального воздействия, которая назначалась судом и соответственно влекла за собой судимость. Кроме того, было наиболее гуманное

наказание из той системы наказаний, которая нашла отражение в законе, и подлежал назначению при обязательном указании на то в санкции соответствующей статьи Особенной части. При этом присоединение к нему дополнительного наказания было невозможно. Общественное порицание всегда объявлялось только публично в процессе оглашения в ходе судебного заседания.

С учетом изложенного в научном сообществе того периода активно обсуждался вопрос о дополнении системы уголовного законодательства такой категорией деяний, как уголовный проступок. Так, в 1974 г. коллектив специалистов в области права осуществил масштабную работу по подготовке проекта Кодекса уголовных проступков, в который был включен уголовный проступок [8, с. 240]. Однако предлагаемый проект остался без одобрения.

Законодательной попыткой нормативно закрепить категорию уголовных проступков и определить соответствующие виды наказаний за их совершение следует считать Указ Президиума Верховного Совета, устанавливающий возможность применения мер административной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Из уголовного законодательства был исключен термин «малозначительные преступления», вызывавший правоприменительные и судебные ошибки ввиду отсутствия в уголовном законе его материального содержания. Именно поэтому в случае, когда речь шла о совершении виновным деяния, не обладающего признаками большой общественной опасности, происходило законодательное обращение к правовым установлениям, связанным с освобождением от уголовной ответственности и применения административно-правовых положений.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982 в УК 1960 г.

получила свое законодательное закрепление аналогичная уголовному проступку форма действия либо бездействия формально содержащего признаки какого-либо преступного деяния, однако по причине малозначительности не представляющего общественной опасности. Подобное законодательное установление содержится в действующем сегодня УК РФ 1996 г., что само по себе оказывает негативное влияние на однозначное понимание практики правоприменения и вынесения судебных решений.

Кроме того, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые так и не были введены в действие, содержалось положение, в соответствии с которым, все преступные деяния в зависимости от степени их тяжести классифицировались на не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. При этом разработчиками данного документа предлагалась к обсуждению идея об отнесении к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности уголовных проступков.

Аналогичной точки зрения на категорию уголовных проступков была воспринята при обсуждении проекта Уголовного кодекса РФ 1992 г., в котором регламентировалось применение наказаний, не связанных с лишением свободы за их совершение [9, с. 4].

Осуществленное в настоящей публикации исследование дало возможность автору сформулировать следующие выводы:

1. Классификация преступных деяний на преступление и проступок была присуща уголовному праву Российской империи на протяжении достаточно большого промежутка времени, начиная с петровской эпохи. Уголовное уложение 1903 г. категоризировало преступления на три группы, в которые в том числе входил и уголовный проступок.

2. Законодатель в советский период отказался от идеи выделения в классификационной системе противоправных деяний уголовного проступка. Вместе с тем подлежало законодательной регламентации привлечение к уголовной ответственности в случае совершения преступных деяний, не представляющие большой общественной опасности. Кроме того, система уголовного законодательства была дополнена положением о малозначительности деяния, что не позволяло отнести его к категории преступлений.

3. Уголовный проступок не включен в УК РФ 1996 г. Но положениями ч. 2 ст. 14 законодатель установил, что отдельные деяния не могут по причине их малозначительности рассматриваться в качестве преступлений, что могло бы выступить прочным фундаментом для определения современной модели уголовного проступка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8: Судебная реформа. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Москва : Юрид. лит., 1994. 495 с.

2. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. Москва : Юрлитинформ, 2015. 750 с.

3. Балыбин В. А. Уголовное уложение Российской империи 1903 года : дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1982. 182 с.

4. Российское законодательство X-XX веков. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Москва : Юрид. лит., 1994. 351 с.

5. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. В двух разделах // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. 250 с.

6. Чучаев А. И., Тоскина Г. Н. Уголовное наказание: революционное правотворчество // Государство и право: проблемы, поиски решений, предложения. Ученые записки Ульяновского государственного университета. Выпуск 2 (6) / под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, 1998. С. 83–95.

7. Селивановская И. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты // Историческое обозрение. 2009. С. 78–83.

8. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва : Наука, 1987. 278 с.

9. Проект Закона Российской Федерации о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР // Щит и меч. 1993. № 4. С. 4–8.

УДК: 343.6
EDN TWKMXV

Тыдыкова Надежда Владимировна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, Россия, 656049,
e-mail: academnauka@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-7889-9314

О ВИДЕ УМЫСЛА В ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу умысла в составах половых преступлений. Автор критикует сложившийся в теории уголовного права подход, в рамках которого признается возможность совершения рассматриваемой группы преступлений только с прямым умыслом. Доказывается возможность и практическая необходимость признания возможности их совершения с косвенным умыслом. Так как все из составов половых преступлений являются формальными, предложен вариант описания отношения виновных не к последствиям, лежащим за рамками состава, а к самому деянию.

Ключевые слова: половые преступления, изнасилование, действия сексуального характера, развратные действия, субъективная сторона, вина, косвенный умысел.

Tydykova Nadezhda Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
Altai State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Leninast, 61, Barmaul, Russia, 656049,
e-mail: academnauka@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-7889-9314

ABOUT THE FORM OF INTENT IN SEXUAL OFFENCES

Annotation. The article is devoted to the analysis of intent in sexual crimes. The author criticizes the approach established in the theory of criminal law, which recognizes the possibility of committing the group of crimes under consideration only with direct intent. The possibility and practical necessity of recognizing the possibility of their commission with indirect intent is proved. Since all of the elements of sexual crimes are formal, a variant is proposed to describe the attitude of the perpetrators not to the consequences that lie beyond the scope of the crime, but to the act itself.

Key words: sexual crimes, rape, acts of a sexual nature, indecent acts, subjective side, guilt, indirect intent.

Глава 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривает уголовную ответственность за преступления, которые в доктрине традиционно называют «половые преступления». Проблемы квалификации, с которыми сталкивается правоприменительная практика, чаще всего

касаются аспектов объективной стороны. Однако с учетом особенностей данной группы преступлений ряд проблем, носящих не только теоретический характер, возникает и относительно установления признаков субъективной стороны.

Рассматриваемые преступления характеризуются умышленной формой

вины. В литературе можно встретить позицию о том, что все они могут быть совершены только с прямым умыслом [1, с. 111, 117, 119, 121, 123]. Вероятнее всего, такая позиция основана на сформулированном в ч. 3 ст. 25 УК РФ определении косвенного умысла, требующего нежелания, но сознательного допущения или безразличного отношения к наступившим последствиям. Основные составы всех половых преступлений не содержат последствий в качестве обязательного признака, ввиду чего, на первый взгляд, не ясно к чему устанавливать такое отношение. Думается, что отсутствие в конструкции составов преступлений указания на последствия не означает, что они отсутствуют как таковые. Они могут существовать, но быть вынесены законодателем за рамки состава по различным причинам, например, ввиду очевидности или процедурной невозможности установления их наступления. В половых преступлениях такими последствиями выступает причинение вреда объекту (половой свободе, половой неприкосновенности, нормальному нравственному и половому развитию несовершеннолетних, здоровью, телесной неприкосновенности). Кроме того, вред здоровью легкий и средней тяжести охватывается составами, предусмотренными статьями 131 и 132 УК РФ. В случае его причинения в результате примененного насилия эти составы преступлений являются материальными, хотя последствия не фигурируют при их описании, будучи определенным последствием способа

¹ Обвинительное заключение по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 132 УК РФ // Архив СУ СК по Алтайскому краю РФ ; Обвинительное заключение по уголовному делу № 11802500037000053 по обвинению А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ // Архив СУ СК по Новосибирской области.

совершения основного деяния – применения насилия.

Что касается установления отношения к последствиям, которые, как было указано, находятся за пределами рассматриваемых составов, то анализ правоприменительной практики показал, что в процессуальных документах вина как элемент состава половых преступлений чаще всего описывается так же, как в материальных составах¹. Например, Б. осознавал общественно опасный характер своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения половой неприкосновенности, нормального полового развития малолетней потерпевшей и желал их наступления². По другому делу суд указывает, что виновный, реализуя свой преступный умысел, убедившись в отсутствии рядом посторонних лиц, осознавая фактический характер, общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения половой свободы потерпевшей, и желая их наступления, напал на нее³.

Для формальных составов такое описание умысла нехарактерно, т. к. в содержание вины не входит отношение к последствиям, ввиду их отсутствия в конструкции состава преступления как таковых.

В литературе отдельные авторы также не исключают возможность косвенного умысла в преступлениях с формальными составами, указывают, что конструкции умысла, предусмотренные в ст. 25 УК РФ, не ориентированы на юридические

² Обвинительное заключение по обвинению Б. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (2023г.) // Архив СУ СК по Алтайскому краю РФ ; Приговор Новоалтайского городского суда от 04.06.2019 по делу № 1-200/2019 // Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края и др.

³ Приговор Московского городского суда от 13 июня 2018 г. по делу N 2-0028/2018 // Архив Московского городского суда.

признаки законодательных моделей [2, с. 150–155 ; 3, с. 37].

Видится правильным признавать возможность совершения половых преступлений не только с прямым умыслом, но и с косвенным. При этом, для того, чтобы оставаться в рамках концепции формальных составов преступлений, например, применительно к развратным действиям, возможно описать отношение виновных не к последствиям, лежащим за рамками состава, а к самому деянию. Например, так: осознавал общественную опасность совершаемых действий, предвидел развратный характер своих действий, не желал такого их характера, но сознательно допускал или относился к этому обстоятельству безразлично. Такой подход обеспечит возможность квалификации как половых преступлений и тех деяний, которые совершались с иными, чем сексуальные, целями, а равно при множественности целей их совершения.

Мотивы рассматриваемых преступлений могут быть различными, о чем сказано в п. 1 Постановления Пленума № 16. Вопрос о целях половых преступлений является дискуссионным. Суть данной дискуссии сводится к тому, обязательно ли установление специальной цели или же она так же, как и мотив, может быть любой [4, с. 114–115]. Анализ правоприменительной практики показывает, что решение вопроса о целях совершения действий сексуального характера является важным для их правильной правовой оценки. Цель этих преступлений не закреплена в конструкциях статей уголовного закона в действующей редакции, но вытекает из анализа аспектов соотношения составов, ими предусмотренных, со смежными. Ее можно определить так: вызывание сексуального возбуждения или удовлетворение сексуального влечения виновного или потерпевшего, либо на пробуждение у потерпевшего интереса к сексуальным отношениям.

Действия, входящие в объективную сторону рассматриваемых составов преступлений, могут быть похожи на другие физиологические действия, совершение которых не имеет общественной опасности, так как не причиняет вред объектам половых преступлений, либо быть похожи на действия, которые образуют другие преступления. Например, демонстрация половых органов малолетним может быть квалифицирована как соответствующее половое преступление только при установлении вышеуказанной цели [5, с. 67]. Однако вопрос о квалификации возникает, когда лицо совершает такие действия при наличии нескольких целей, например, и указанной характерной для половых преступлений цели и, одновременно с этим, цели унижить, оскорбить. В рамках подхода о возможности только прямого умысла в половых преступлениях квалификация таких действий представляется проблематичной. В рамках предлагаемого подхода она не вызывает сомнений. Достижение цели, присущей половым преступлениям, виновный может как желать, так и относиться к ее достижению безразлично.

Аналогичным образом решается вопрос и о квалификации любых действий, которые не имеют в качестве основной цели ту, которая представляется обязательной для рассматриваемой группы преступлений. Например, в литературе отмечается, что при продаже лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста, в магазине диска с порнофильмом, изготовлении эротических и порнографических фото- и видеороликов с участием лиц, не достигших шестнадцати лет, с целью их последующей продажи, основным мотивом является корысть [6, с. 36–39]. Думается, что указанная в тексте названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ цель развратных действий может быть не единственной. Важно лишь то, что она имела место хотя

бы наряду с другими. Так, можно допустить, что достигшее восемнадцатилетнего возраста лицо, ведет разговоры откровенного характера с лицами, не достигшими шестнадцати лет, побуждаемый желанием продемонстрировать свою осведомленность и опытность в вопросах межполовых отношений, или демонстрирует половой орган с целью хвастовства или нанесения оскорбления действием. Думается, что лицо, совершая такие действия в отношении лица, не достигшего шестнадцати лет, осознавало возможность причинения вреда его половой неприкосновенности или нормальному нравственному или половому развитию и относилось к этому безразлично. В практике такие случаи квалифицируются по совокупности ст. 242 УК РФ со ст. 135 УК РФ¹. Другие авторы также приводят примеры квалификации подобных действий по совокупности преступлений [7, с. 43].

При этом необходимо понимать, что манипуляции с половыми органами потерпевшего, имеющие только лишь цель причинения физической боли потерпевшему, квалифицируются как соответствующие преступления, посягающие на телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь потерпевших, но не на половую свободу или половую неприкосновенность². Анализ правоприменительной практики показал, что даже действия, совершаемые с участием полового органа или заднепроходного отверстия потерпевшего, не всегда расцениваются как носящие сексуальный характер, так как такие манипуляции могут иметь другие цели. Также подобные манипуляции, наряду с другими действиями, могут быть

основанием для вменения признака «с особой жестокостью» при убийстве.

Таким образом, теоретически оправданно и практически целесообразно признавать возможность совершения половых преступлений не только с прямым, но и с косвенным умыслом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2022. 371 с.
2. Ширяев А. Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 150–155.
3. Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 37.
4. Бимбинов А. А. Субъективные признаки развратных действий // Актуальные проблемы российского права. 2017. №8 (81). С. 114–115.
5. Тыдыкова Н. В. О проблемах установления субъективной стороны в половых преступлениях против несовершеннолетних, совершаемых бесконтактным способом // Уголовное право. 2023. № 1. С. 65–72.
6. Миллерова Е. А. О некоторых проблемах квалификации развратных действий, сопряженных с изготовлением и распространением порнографических материалов // Уголовное право. 2015. № 2. С. 36–39.
7. Хромов Е. Границы иных действий сексуального характера // Законность. 2021. № 1. С. 40.

¹ Например, приговор Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 18 мая 2011 г. по ч. 2 ст. 135, ст. 242 УК РФ. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 12.11.2023).

² Например, Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 7 февраля 2018 г. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения:

12.11.2023) ; Апелляционное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 18 апреля 2022 г. по делу N 10-4156/2022 // Архив Московского городского суда ; Апелляционное определение СК по уголовным делам Оренбургского областного суда от 16 августа 2017 г. по делу N 22-2369/2017 // Архив Оренбургского областного суда.